

В.Кохен, В.Степанчук

ВАРИАБЕЛЬНОСТЬ ПЕРЕХОДА ОТ СРЕДНЕГО К ВЕРХНЕМУ ПАЛЕОЛИТУ: НОВЫЕ ДАННЫЕ ИЗ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

V.Cohen, V.Stepanchuk. Variability of Middle to Upper Palaeolithic transition: New data from the Eastern Europe.

Proposed paper presents new data concerning the variability of the Middle to Upper Palaeolithic transitional industries of Eastern Europe. Two assemblages are analysed and discussed, namely: recently discovered Mira in the Middle Dnieper area and Kulychivka, layer III in Western Ukraine, both argued to be dated to Paudorf. These assemblages are ascribed to the number of transitional ones due to the combination of Middle and Upper Palaeolithic features in their technology and typology, but they represent different kinds of transitions. The assemblage of Mira is obviously connected with the para-Micoquian Middle Palaeolithic of the southern part of East European Plain and Crimea. The further development of the Mira industry seemingly leads to Gorodtzovskaya (and, more questionably, to Streletskaya) EUP cultures of the Don area. The assemblage of Kulychivka, layer III is undoubtedly similar to Moravian Bohunician and provides clear parallels with Emiran of Levant and the transitional series of Temnata TD-II, layer VI. The Middle Palaeolithic forerunner of Kulychivka, layer III industry (Kremenician) is not defined yet (either Molodovo Levallois-Mousterian or Crimean Levallois-oriented laminar Typical Mousterian?), nor is its descendant. There are all grounds to suppose Kulychivka, layer III to be formed due to indirect impacts of an intrusive Aurignacian population. This assumption is more discutable as regards the Mira industry. Transitional industries of Mira and Kulychivka, layer III, reflect the processes of interactions between *Homo neanderthalensis* and *Homo sapiens sapiens* and can be considered good examples of acculturation processes that took place in Eastern Europe roughly around 30 Kyr BP.

ВВЕДЕНИЕ

Проблема перехода от среднего к верхнему палеолиту остро дискуссионна уже не один десяток лет. По мере накопления источников становится все более ясным, что, с одной стороны, эта проблема не сводится лишь к аспекту технологических инноваций в материальной культуре или биологических изменений самого носителя культуры. С другой стороны, становится все более рельефным и тот факт, что переход к верхнему палеолиту в конкретных регионах проходил по различным сценариям, имеет свою хронологию и специфическое содержание, хотя и объединяется некоторыми общими закономерностями.

Установлено, что распространение, в широком смысле, верхнепалеолитической культуры непосредственно не связано с первоначальным расселением анатомически современного человека (Var-Yosef 1996, 1996a; Deacon 1996). Все более расширяется список среднепалеолитических пластинчатых индустрий (см.: Revillon & Tuffreau 1994), сам факт наличия которых подорвал уверенность в незыблемости связи: верхний палеолит — пластинчатые технологии. Современные подходы все более со-

средотачиваются на локальных особенностях перехода от среднего к верхнему палеолиту (Mellars 1990; Clark Howell 1994 *etc*).

Предлагаемая статья посвящена задаче показать вариабельность переходных эпизодов, а также выявить некоторые общие тенденции в их развитии, базируясь, в первую очередь, на новых восточно-европейских данных. Разнообразие индустрий в период перехода от среднего к верхнему палеолиту — основная отличительная особенность центрально- и восточно-европейской области (Kozlowski 1988, 1990, 1996; Soffer 1989, 1994; Anikovich 1992; Amirkhanov *et al.* 1993), и мы надеемся, что новые данные позволят дополнительно аргументировать эту точку зрения.

Как предлагается авторами в другой работе (Cohen & Stepanchuk in press), ранний верхний палеолит Центральной и Восточной Европы может классифицироваться в пределах двух стандартных таксонов, а именно ориньяка и неориньяка. Последняя группа включает несколько вариантов, некоторые из которых описываются как переходные и, таким образом, будут рассмотрены в настоящей статье. Кроме

того, рассматривая материалы Восточной Европы, мы сталкиваемся с типично ориньякскими комплексами (Сюрень I), которые включают среднепалеолитический компонент и, таким образом, отмечают вероятную стадию аккумуляции.

В настоящей работе мы принимаем, что в качестве переходных рассматриваются памятники, отражающие процессы взаимодействия неандертальских обществ с традиционно среднепалеолитической материальной культурой с обществами кроманьонскими, характеризующимися верхнепалеолитической материальной культурой, так и процессы внутреннего развития, независимые от внешних культурных импульсов. Вслед за другими исследователями (ср. Kozłowski 1996) мы не считаем, что переходные по характеру своих материальных остатков па-

мятники, отражающие те или иные аккумуляционные процессы, проходящие между неандертальским и кроманьонским населением, обязательно должны иметь продолжение в верхнепалеолитическое время. В то же время мы далеки от идеи о тотальном физическом исчезновении неандертальского населения на этапе перехода к верхнему палеолиту и не отрицаем того, что неандертальский генотип, равно как и достижения в материально-технической и социально-духовной сферах, были вовлечены в последующие за средним палеолитом этапы развития человеческого общества.

В качестве примеров переходных индустрий в настоящей статье рассматриваются материалы недавно обнаруженной на Среднем Днепре стоянки Мира и Кульчивки в Воыно-Подоліи, Западная Украина.

МИРА

• Общие сведения о памятнике

Стоянка Мира еще не была введена в научный оборот в русскоязычной литературе (ср.: Stepanchuk *et al.* 1998), поэтому оправдано будет сравнительно подробно описать имеющиеся данные.

Стоянка открыта в 1995 г. И.Б. Писаревым, ограниченные работы по исследованию культуро-содержащего слоя велись в 1996-97 гг. В 1997 г. была установлена зачистка, вскрывшая профиль отложений на участке около 4 м по вертикали на площади около 1,5 м². В целом на стоянке исследовано примерно 6-7 м² культуро-содержащих отложений.

Мира расположена непосредственно в долине реки Днепр на ее правом берегу примерно в 30 км южнее г. Запорожье, возле с. Коневское и связана с отложениями 1-й (?) аллювиально-деллювиальной террасы высотой 18-20 м над уровнем реки. Культуро-содержащие отложения были прослежены в более низкой части южного склона небольшого оврага, примерно в 9 м ниже современной дневной поверхности террасы и в 5-6 м над тальвегом оврага. Овраг имеет протяженность до 30 м, от 5 до 16 м шириной, ориентирован ЮВ-СЗ и открыт в сторону Днепра. Географические координаты стоянки 47° 40' с.ш. и 34° 50' в.д. Орографически стоянка расположена в пределах северного края степной зоны северного побережья Черного моря. Высота над уровнем моря — приблизительно 40 м.

Не имеется данных о рядом расположенных выходах каменного сырья. Тем не менее, физическая сохранность каменных изделий Миры допускает предположить, по крайней мере для части материала, использование локальных аллювиальных/моренных источников поделочного сырья. Кроме кремня использовался также пегматит и халцедонизированный кварцит, выходы которых известны в зна-

чительном удалении от стоянки.

Следует особо подчеркнуть, что описанная на текущий момент стратиграфическая последовательность не полна, поскольку остались неисследованными как верхняя (мощностью до 8 м), так и нижняя (мощностью до 5 м) части современного склона оврага. В пределах зачистки выявлено до 12 литологических горизонтов (Stepanchuk *et al.* 1998). В обобщенном виде последовательность описывается сверху вниз таким образом: суглинки/лессы — аллювиально-деллювиальные пески — глинистые супеси (погребенная почва) — аллювиально-деллювиальные пески.

Остатки фауны, костные и древесные угли и каменные артефакты были встречены только в пределах горизонта глинистых супесей (Н), расчленяющегося на три подгоризонта по цветности и интенсивности глинистых включений. Эти три подгоризонта (сверху вниз: Н1, Н2, Н3) представляют собой единый почвенный комплекс, который, согласно предварительной консультации (М.Ф. Веклич, М.М. Веклич), может соотноситься либо с прилукским (эем, риссвюрм), либо с дофиновским (арси, штилфрид В, паудорф) временем по М.Ф.Векличу (Веклич 1989). Хотя абсолютные даты, могущие выступить в данном случае как решающий аргумент, все еще ожидаются (оксфордская лаборатория), облик каменного инвентаря, как это будет показано ниже, находится в большем соответствии с предполагаемо дофиновским временем, иначе говоря, предполагаемый возраст инвентаря — где-то между 45-24 тыс. лет назад в радиокарбонных датах.

Практически все находки обработанного камня и костей связаны с верхами погребенной почвы. Антропогенные остатки лежат практически без разброса по вертикали и представляют собой нечто вроде реальной жилой поверхности. Горизонт Н1 доставил несколько

сотен обработанных кремней, сравнительно многочисленные остатки фауны и угольки и ниже будет описан более детально. Горизонты Н2 и Н3 на раскрытой в 1997 г. площади фактически не доставили прямых и несомненных свидетельств человеческой деятельности, но, тем не менее, заслуживают некоторого, по крайней мере краткого, специального описания.

Первый из них был обнаружен приблизительно в 10 см ниже жилой поверхности, встреченной в горизонте Н1. Горизонт Н2 практически лишен археологических находок, но доставляет чрезвычайно многочисленные линзы, составленные золой и древесными углями. Скопления углей маркировали определенные объекты, которые, в конечном счете, были распознаны как остатки сгоревших веток или деревянных жердей. Максимальная прослеженная длина этих объектов — до 50-60 см, ширина до 10-15 см, разрезы имеют овальную форму до 8 см в поперечнике. Объекты группируются в три концентрации, до 4-5 «веток» в каждой группе. В одной из концентраций «ветки» располагались тесно друг к другу и имели одинаковую ориентацию. Другие концентрации демонстрируют менее согласную ориентацию, хотя основное направление сгоревших объектов практически то же самое.

Горизонт Н3 располагается вновь примерно в 10 см ниже горизонта «ветвей». Он вновь содержит многочисленные древесные угли и линзы пепла. Единственная находка горизонта — пятнадцатисантиметровый фрагмент длинной кости (лошадь?) была сделана в отложениях переходных от горизонта Н2 к горизонту Н3. Объекты этого горизонта имели абсолютно иной характер. Здесь были прослежены несколько «ямок» до 10-12 см в диаметре и до 3-5 см глубины. Самая маленькая ямка имела диаметр всего 2 см, но зато глубину 5 см. Продольные разрезы этих объектов выявили слегка закругленные основания с самой глубокой точкой в центре ямки. Концентрации древесных углей хорошо отмечают границы ямок, и, иногда, их основание. Скопления древесных углей и пепла горизонта «ветвей» (Н2) более или менее совпадают планиграфически со скоплениями горизонта Н3 или так называемого горизонта «пней». Отложения между названными горизонтами включают рассеянные древесные угли, не формирующие никаких заметных концентраций.

Различные мнения могли бы быть привлечены для объяснения свидетельств, доставляемых горизонтами Н2 и Н3, но наиболее реалистичным в настоящий момент следует признать предположение о следах естественного пожара.

· Фаунистические остатки

Стоянка доставила до 100 фрагментов костей с размерами в среднем 8-10 см, сохран-

ность которых относительно высокая, хотя непосредственно в момент находки в слое, благодаря повышенному содержанию глинистых частиц в нем, кость очень мягкая. Имеются многочисленные осколки длинных костей, зубы, фрагменты челюстей, фаланги и т.д. Обожженные кости редки и практически отсутствуют, если исключить многочисленные крошечные фрагменты. По определению В.И.Свистуна¹ (Зоологический Институт, Киев) представлены *Equus sp.*, *Bison (?)*, *Megaloceros giganteus (?)* причем первый вид решительно преобладает.

· Каменный инвентарь

Большинство артефактов изготовлено из высококачественного тонкозернистого кремня различной цветности. Насколько можно судить, использовались два типа исходного сырья, а именно желваки и плитки. Единичные предметы изготовлены из пегматита и халцедонизированного кварцита. Имеются также отщепы и обломки галек осадочных пород, в том числе фрагмент с типичными следами использования в качестве наковальни. Найден также фрагмент окаменевшего дерева и небольшие фрагменты янтаря.

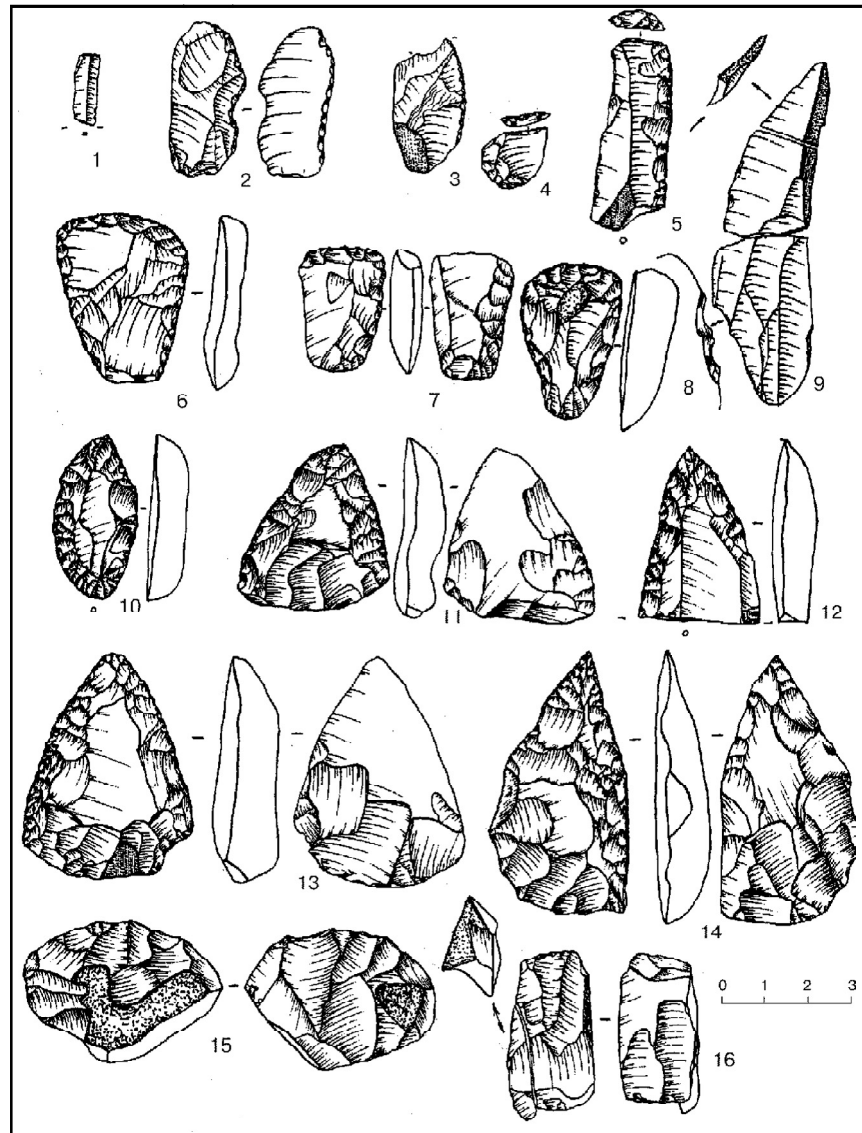
Физическое состояние кремней хорошее, нет видимых признаков люстра, почти отсутствуют патинированные предметы (около 1% кремней). Имеются побывавшие в огне кремни (3,5%). Индекс фрагментации сколов и индекс чешуек (18,9 и 65,4 соответственно) характерен для практически непо потревоженных культурных отложений (ср.: Kolosov & Stepanchuk 1997). Частые примеры ремонтажа (до 12), как различных артефактов так и фрагментов одного артефакта также согласуются с подобным заключением. Таким образом, имеются основания предполагать сравнительно быстрое захоронение культурных остатков, что, в свою очередь, предполагает положение слоя *in situ*.

В целом горизонт Н1 доставил 289 обработанных кремней, включая 35 целых и фрагментированных орудий, 17 сколов с ретушью использования, 24 отщепа, 12 атипичных пластинчатых сколов, 198 чешуек, 1 фрагмент кремня, 2 нуклеуса.

Серия сколов и орудий на сколах характеризуется следующими индексами: IFs 28,6; IF 33,3; I lam 16,4. Следует специально подчеркнуть морфологическую нестабильность пластин. Так, правильные пластины редки, а ведущее место среди имеющихся в коллекции сколов занимают пластинчатые сколы, как правило, не имеющие параллельной огранки. Индекс точечных площадок 28,6; индекс гладких площадок 14,3; показатель центростремительного острого сколов 28,6; показатель сколов с параллельной и под-параллельной огранкой

¹ В предшествующей публикации (Stepanchuk et al. 1998) было допущено досадное искажение фамилии В.И.Свистуна, в связи с чем авторы приносят свои извинения этому исследователю.

Рис. 1. Каменный инвентарь стоянки Мира (переходная индустрия) (по Stepanchuk et al. 1998). 1, 4, 5 — тронкированные изделия, 2 — альтернативно ретушированная пластина, 3 — скол с ретушью, 6-8 — избыточно ретушированные скребки, 9 — намеренно фрагментированная пластина; на терминальном фрагменте изготовлен угловой резец, 10 — лимас, 11, 13 — вентрально утонченные конвергентные скребла / остроконечники, 12 — остроконечник / острие на пластине, 14 — остроконечник двусторонней обработки, 15, 16 — нуклеусы.

32.1. Следует подчеркнуть небольшое число первичных сколов (лишь до 16% по серии сколов > 2 см), единичность сколов управления выпуклостью рабочей поверхности нуклеусов (2,8%), умеренный уровень сколов-заготовок (около 30%) и чрезвычайно высокую частоту сколов-отходов ретушировки (16,6% отщепов; 50% пластинчатых сколов и 44,4% чешуек). Эти показатели очевидно указывают на интенсивную обработку уже подготовленного — где-либо вне стоянки — сырья и преобладание на вскрытом участке стоянки операций по переоформлению и подправке орудий (ср. соответствующие данные по ряду крымских среднепалеолитических памятников Kolosov & Stepanchuk 1997). На это же указывает и показатель интенсивности использования расщепленных продуктов для целей вторичной обработки — 35 из 88 (39,7%) всех наличных, модифицированных и невостребованных сколов коллекции.

Таким образом, индустрия Мира характеризуется очень ограниченным количеством

сколов без следов использования, редкими нуклеусами, высокой частотой конвергентных многолезвийных орудий, чрезвычайно многочисленными отходами четвертой фазы технологической цепи утилизации, т.е. сколами, появившимися в результате ретуширования и переоформления орудий.

Эти данные могут быть расценены как свидетельство относительного дефицита сырья или специфики экономического профиля вскрытого участка стоянки, или же, что наиболее вероятно, указывают на обе эти вероятности. Это положение хорошо иллюстрируется примерами из среднего палеолита Крыма. Так, большое количество сколов-отходов ретуширования и переоформления орудий совпадает с дефицитом сырья высокого качества в Проломе II, слой III и Буран-Кая III, 24/28 горизонты и экономическим профилем (стоянка по разделке?) Сары-Кая I.

Индустрия, как это засвидетельствовано составом каменных изделий и тенденциями отбо-

ра заготовок для целей дальнейшего ретуширования, была ориентирована на получение крупного скола.

Нет свидетельств применения леваллуазской техники. Пластинчатая технология также довольно неразвита, судя по атипичности пластинчатых продуктов. Технология двусторонней заготовки была известна в Мире, но применялась относительно редко (ср.: индекс двусторонних орудий — 5,71) (рис. 1: 14). Расщепление кремня выполнялось и мягким и твердым отбойником, насколько можно судить по наличию т.н. «губок», рельефу вентральных поверхностей сколов и т.д. Ретушь, в основном, представлена крутой и полукрутой чешуйчатой, параллельная и субпараллельная более редка. Техника резцового скола слабо представлена. Специфическая особенность инвентаря — частое применение намеренной фрагментации — вероятнее всего, объясняется общим дефицитом каменного сырья.

Специальное внимание должно быть уделено отходам ретуширования и переоформления орудий. Эта группа артефактов достигает 94 экз. Из них 73,4% составляют отходы обработки орудий на сколах, в то время как остальные 26,6% (25 экз.), несомненно, являются продуктами обработки двусторонних орудий. Большинство этих отходов связано с обработкой лезвий, и только три скола появились в результате переоформления поврежденных терминальных участков орудий на сколах.

Нуклеусы представлены двумя экземплярами (рис. 1: 15, 16). Один из них — это центростремительное ядрище, изготовленное на естественном (?) сколе и ориентированное на реккурентное получение коротких пластинчатых сколов. Специальная тонкая подготовка ударных площадок фиксируется на нескольких участках этого нуклеуса. Второй экземпляр — это атипичное биполярное альтернативное ядрище для грубых микропластин (?). Ударные площадки скошены и подготовлены тонким перебором. Применение этого последнего метода подготовки ударных площадок подтверждается также довольно высокой долей сколов с признаками перебора площадки ($l_{tr} = 19,0$).

Орудия на сколах представлены 35 экземплярами (рис. 1: 1-13). К этому числу могут быть добавлены 17 сколов с ретушью использования. Наиболее характерная особенность инвентаря состоит в очевидном сосуществовании среднепалеолитических и верхнепалеолитических типов. Так, I=0; II=54,2; III=41,7; IV=4,2. Наблюдаемую типологическую смесь вряд ли можно объяснять механическим смешением. Более вероятное объяснение усматривается в культурном своеобразии инвентаря.

Итак, Мира доставляет микроиндустрию с двустороннеобработанными орудиями. Вскрытый участок стоянки документирует цикл ретуширования и переоформления двусторонних

изделий и орудий на сколах а также немногочисленные примеры расщепления, ориентированного на грубую пластинчатую продукцию. Среднепалеолитические техники — двусторонняя обработка, подготовка ударных площадок оббивкой и ретушированием — представлены наряду с верхнепалеолитическими техниками тронкирования, резцового скола, подготовки ударных площадок способом перебора. Имеются свидетельства техники мягкого отбойника и указания на применение отжимной ретуши. Частые примеры намеренной фрагментации допустимо объяснять как локальное технологическое новшество, вызванное дефицитом исходного сырья.

Среднепалеолитический компонент включает как двусторонние орудия, так и инструменты на сколах. Имеются многочисленные конвергентные формы, включая остроконечники и скребла. Индекс остроконечников составляет 21,4; индекс скребел — фактически тот же самый. Имеется мустьерский остроконечник с базальным утончением на брюшке, мустьерский остроконечник на пластинчатой заготовке, угловатый остроконечник с утончением на спинку и на брюшко, лимас, простое скребло, несколько фрагментов скребел или ножей на сколах. Двустороннеобработанные орудия представлены плоско-выпуклыми слегка асимметричными удлиненными остроконечниками с ретушированными лезвиями, локализованными на более выпуклой поверхности и фрагментом ближе неопределимого двустороннего изделия.

Верхнепалеолитический компонент включает различные типы концевых скребков, резец на углу сломанной пластины и группу ретушированных пластин и пластинчатых сколов. Среди скребков выделяется латерально ретушированное и сужающееся к базе изделие. Имеются немногочисленные, но выразительные примеры техники тронкирования, которая применялась на различных заготовках. Это микропластинка, микроскол и правильная призматическая пластина (рис. 1: 1, 4, 5). Ориньякские черты ограничиваются единственной атипичной пластиночкой Dufour.

Кроме того, имеется несколько сколов и чешуек с регулярной ретушью, выемчатое изделие, довольно многочисленные сколы с ретушью использования и ряд фрагментированных орудий.

В целом индустрия стоянки Мира может быть охарактеризована как переходная и комбинирующая как среднепалеолитические, так и верхнепалеолитические черты в технологии и типологии.

· Аналогии

Задача поиска аналогий материалам Мира, в инвентаре которой хорошо различимы и среднепалеолитический, и верхнепалеолитический компоненты, закономерно приводит к необходимости рассмотреть сходные материалы как позднего мустье, так и раннего верхнего палеолита региона.

Аналогии среди поздних среднепалеолитических памятников

Техно-морфологические черты среднепалеолитического компонента индустрии Миры ориентируют на поиск аналогий среди мустьерских индустрий, знакомых с технологией двустороннеоббитой заготовки.

Среднепалеолитические памятники с двусторонней технологией известны практически повсюду в Восточной Европе и особенно многочисленны в Крыму. Эти комплексы далеки от единообразия, что послужило основанием для предположения о существовании двух основных разновидностей двусторонних индустрий, а именно собственно микокской и пара-микокской. Первая группа памятников имеет множественные аналогии с центрально-европейским микоком — как типологические, так и технологические — и, очевидно, общее происхождение. Вторая группа памятников понимается как традиции, испытавшие на себе влияние со стороны собственно микока. Предполагается, что южный регион Восточной Европы начиная с вюрма (или несколько раньше) представлял собой обширную зону взаимодействия между собственно микоком, шарантом Балкан, левалуа-мустье и, возможно, локальным субстратом (Степанчук 1996; Писларий и др. 1998). Возникавшие здесь традиции характеризуются смешением микокских и шарантских черт: развитой двусторонней технологией, часто многочисленными листовидными острями, большим числом орудий на сколах, включая обильные остроконечники, разнотипные скребла, в т.ч. лимасы и утонченные изделия.

Микокские и пара-микокские памятники хорошо известны в южной части Восточной Европы и Крыму. Для первой группы можно указать такие стоянки как Заскальная V и VI, Сары-Кая I, Пролом II, Хотылево, Житомирская, Каневская, Рихта, Носово. Вторая группа включает Орел, Ильская, Сухую Мечетку, Баракаевскую, Киик-Кобу: IV, Пролом I, Буран-Каю-III, ГАБО, Староселье, Рипичени-Извор и др.

Микокские и пара-микокские памятники Восточной Европы датируются от зема до конца интерпленигляциала. Наиболее изучена последовательность развития крымской группы памятников (Stepanchuk 1998). Поздний

возраст финального крымского среднего палеолита (даты см.: Hedges *et al.* 1996; Yanevich *et al.* 1996; Stepanchuk 1996a; Otte *et al.* 1996a; Marks *et al.* 1997; Чабай и др. 1998) и наличие в регионе практически одновременных верхнепалеолитических памятников (Сюрень I) позволяет ставить вопрос о взаимоотношениях поздних неандертальцев и ранних *Homo sapiens sapiens*, иными словами, изучать конкретный сценарий аккультурации в данном регионе (Stepanchuk 1996a; Cohen 1996). Единодушно признается, что крымский средний палеолит не имеет непосредственного продолжения в местном верхнем палеолите (Otte *et al.* 1996; Cohen 1996; Степанчук 1996; Marks & Chabai 1998; Chabai 1998). По-видимому, не связана с местным средним палеолитом и селетоидная индустрия Буран-Кая III, сведения о которой пока недостаточно полны (Marks 1998).

Особо следует подчеркнуть, что поздние памятники и микока и пара-микока доставляют антропологические находки, определяемые как остатки *Homo neanderthalensis* (Якимов, Харитонов 1979; Данилова 1983).

Как представляется, финально среднепалеолитического предшественника комплекса Миры следует искать среди пара-микокских индустрий. Они известны и на Среднем Днепре — например, Орел (Бодянский 1960; Смирнов 1973) — но не имеют абсолютной даты. Хронологическое положение позднего пара-микока Крыма и его типологическая и технологическая близость к среднепалеолитическому компоненту инвентаря Миры позволяет оценивать пара-микок Восточной Европы как наиболее реальную базу эволюции в направлении Миры. Крым доставляет две разновидности пара-микокских индустрий: старосельскую и киик-кобинскую. На сегодняшний момент можно утверждать, что Мира имеет большее сходство с киик-кобинской индустрией Восточного Крыма (Stepanchuk 1992, 1993; Yamada 1996), основание чему усматривается в технологии (отщеповое расщепление, технология двусторонней заготовки) и типологии (специфические типы конвергентных орудий двусторонней обработки и изделий на сколах) (рис. 2: 1-16).

Аналогии среди ранних верхнепалеолитических памятников

Ближайшие аналогии могут усматриваться среди не-ориньякских ранне-верхнепалеолитических памятников Дона, а именно в инвентарях стрелецкой и городцовой культур.

В развитии стрелецкой традиции различается четыре фазы (Bradley *et al.* 1995). Позднейшие памятники (Сунгирь) датируются концом паудорфа, большинство датируется штилфри-

дом В, самые ранние (Костенки 12: 3) не датированы. Стрелецкие памятники известны не только в Подонье, но и во многих регионах Восточно-Европейской равнины (Anikovich 1992). Индустрия комбинирует среднепалеолитические и верхнепалеолитические черты. Характерны треугольные латерально ретушированные скребки, имеются скребла, мустьерские остро-

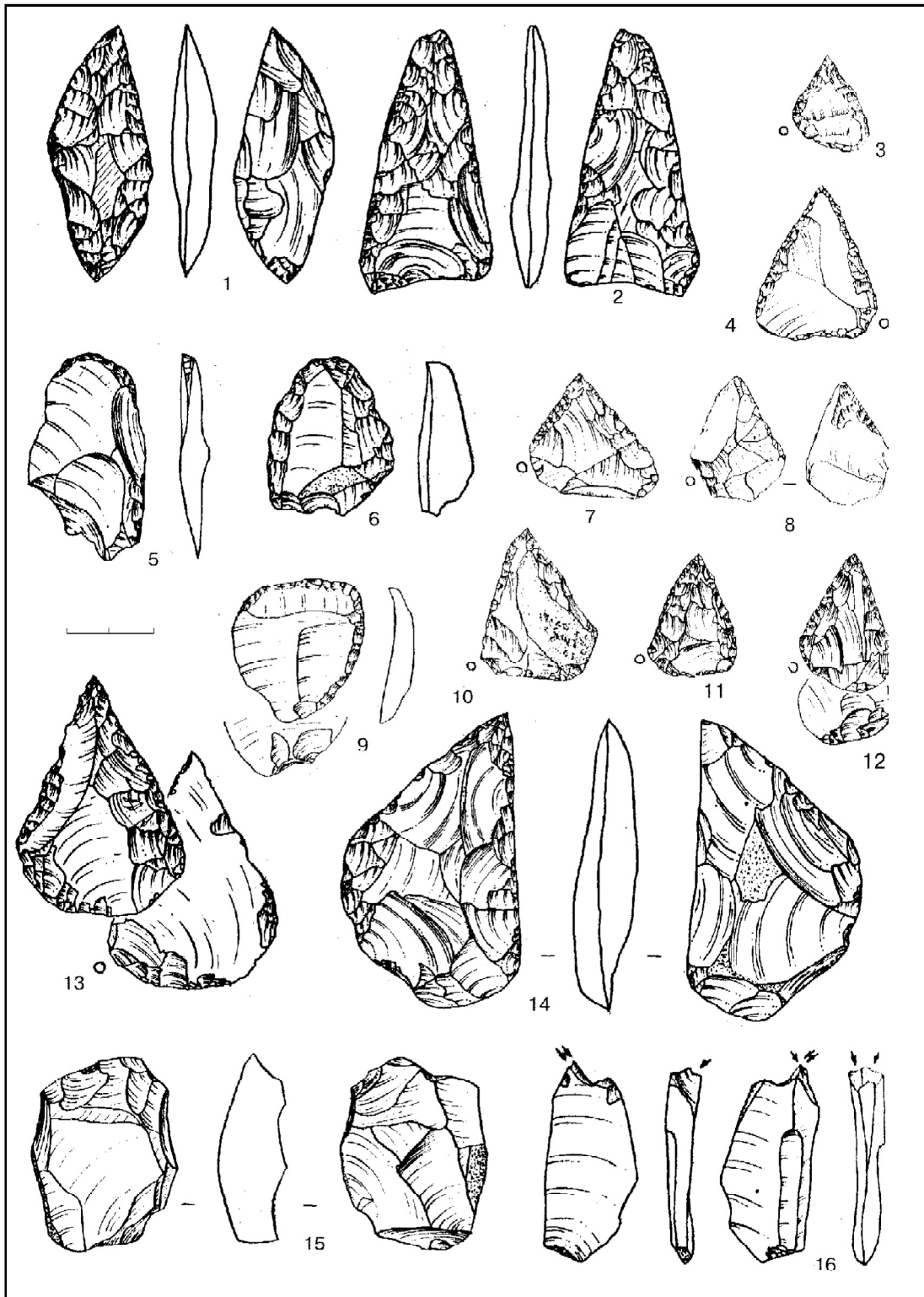

Рис.2. Каменный инвентарь стоянки Пролом I (пара-микок Крыма). 1, 2 — наконечники двусторонней обработки, 3, 4, 7, 8, 10, 11 — угловатые остроконечники на отщепках, 5 — концевой скребок на пластинчатом сколе, 6 — избыточно ретушированный концевой скребок/ конвергентное скребло, 9 — скребок на отщепе / угловатое скребло, 12, 13 — вентрально утонченные угловатые остроконечники, 14 — остроконечник двусторонней обработки, 15 — нуклеус, 16 — срединный резец.

конечники, изделия с чешуйчатой подтеской. Плохо представлена техника резцового скола. Выразительнейшая черта индустрии — двусто-

ронне обработанные острия, в особенности подтреугольные с вогнутым основанием. Технология демонстрирует направленные изме-

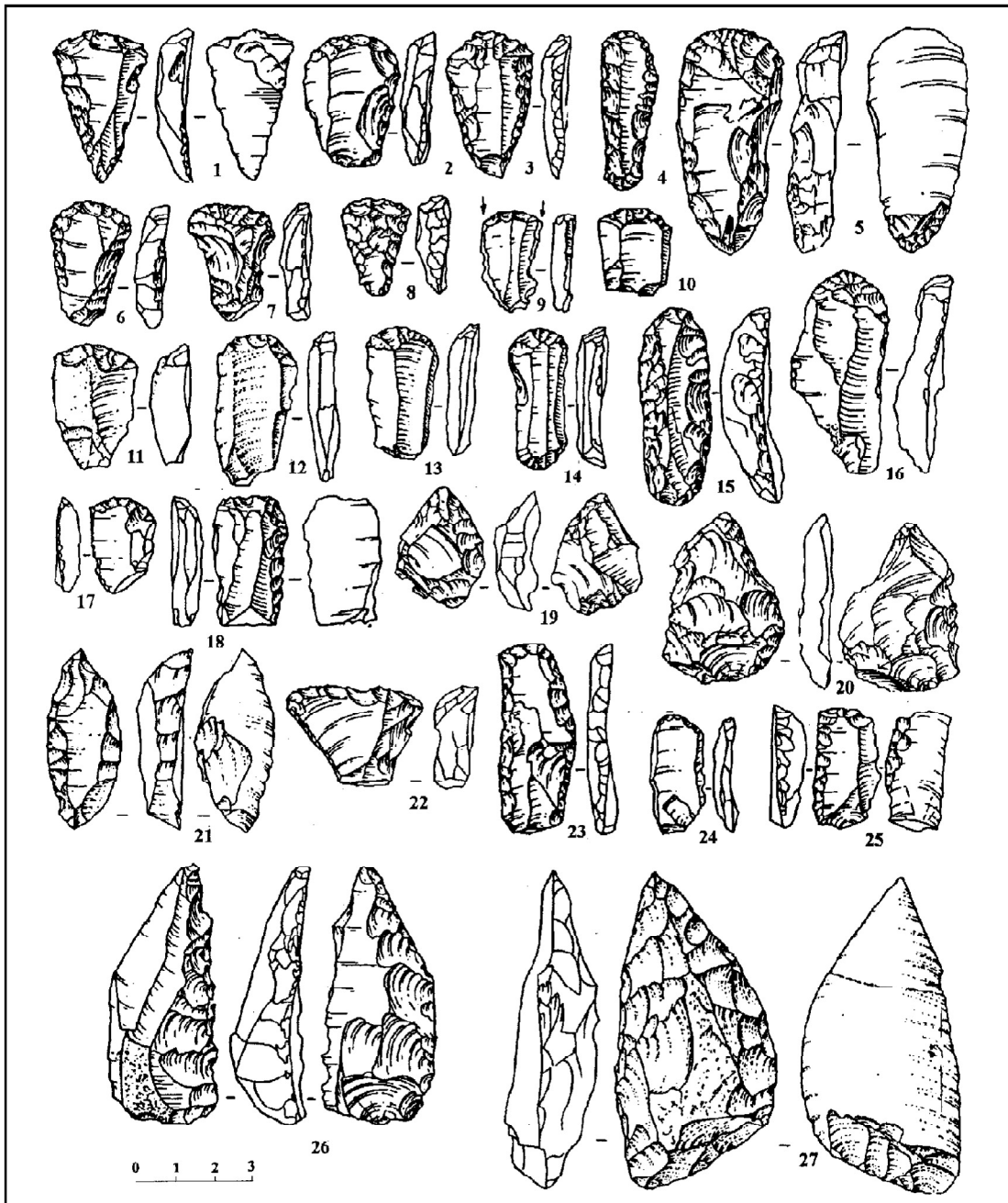

Рис.3. Каменный инвентарь стоянки Костенки 15 (Городцовская культура) (по Праслов, Рогачев (изд.) 1982). 1-8 — избыточно ретушированные скребки, 9 — ретушный резец, 10-13, 16-18, 22, 24 — концевые скребки, 14 — двойной скребок, 15, 23, 25 — пластины с ретушью, 19 — изделие с чешуйчатой подтеской, 20 — частично двустороннее изделие на сколе, 21 — лимас, 26 — альтернативно ретушированное изделие, 27 — базально утонченный остроконечник.

нения от отщепового расщепления к пластинчатому; морфология характеризуется возрастанием доли верхнепалеолитических типов и уменьшением разнообразия и числа двусторонних орудий. Среднепалеолитический компонент, тем не менее, представлен на всех этапах развития индустрии, в то время как ориньякские черты фиксируются лишь в поздних комплексах (Bradley *et al.* 1995). Истоки культуры усматриваются среди крымских среднепалео-

литических памятников с двусторонними орудиями, а также среди днестровских комплексов типа Тринки 3: 3 (Anikovich 1992).

Памятники городцовской культуры в настоящий момент известны только в Костенки-Боршевском районе (Праслов, Рогачев 1982; Anikovich 1992; Sinitsyn 1996). Карбоновые датировки указывают, в основном, на штилфрид В; есть даты, относящиеся к максимуму второго плейстоцена. Ранний памятник Костенки

14: 3 имеет дату около 30 тыс. лет назад. Индустрия характеризуется (Sinitsyn 1996) ориентацией на отщеповое расщепление; отсутствием правильных пластин; многочисленностью среднепалеолитических типов (остроконечников, скребел), составляющих до 50%; обилием концевых скребков (до 40%); настоящие бифасы немногочисленны, хотя двусторонне и альтернативно ретушированные предметы часты; имеются тронкированные изделия, лимасы. Типологический спектр скребков включает небольшие округлые скребки, массивные латерально ретушированные подтреугольные орудия, крупные изделия *carele*. Резцы и пластинки с притупленным краем не характерны, как и дюфуровые компоненты (рис. 3: 1-27). Городцовские комплексы доставляют различные костяные изделия, включая орнаментированные поделки и лопаточки.

В регионе распространения городцовских памятников среднепалеолитические стоянки

не известны (Рогачев 1957; Soffer 1990). Сколько-нибудь устоявшееся мнение о происхождении культуры отсутствует. Костенки 14 доставляют скелетные остатки, ассоциированные с городцовской индустрией (Праслов, Рогачев 1982; Sinitsyn 1996). Многозначительным с точки зрения реконструкции конкретных форм перехода от среднего к верхнему палеолиту является тот факт, что антропологически эти остатки определяются как принадлежащие *Homo sapiens sapiens*.

Учитывая отсутствие в комплексе Миры стрелецких острий, а также такие черты, как принципиальное сосуществование среднепалеолитических и верхнепалеолитических типов орудий, отщеповое расщепление, наличие специфических типов скребков, редкость резцов, отсутствие спинников и ориньякских признаков, в предварительном плане можно утверждать о большей близости Миры индустриям городцовской культуры.

КУЛЫЧИВКА

· Общие сведения о памятнике

Многослойная стоянка Кулычивка (Кременец) расположена на территории юго-западной Волины, в северной части кременецкой возвышенности, на правом берегу реки Иквы, в черте г. Кременец и увязывается с т.н. горой Кулычивкой. Местонахождение обработанных кремней стало известно уже с конца 30-х гг., однако раскопки памятника были начаты В.П. Савичем лишь спустя 30 лет и систематически проводились им до конца 80-х гг. (Савич 1975, 1975а, 1987). На памятнике работали также геологи и палеонтологи (Иванова, Рейнгартен 1975; Богущкий и др. 1974).

К настоящему моменту Кулычивка введена в научный оборот как пятислойный памятник, с тремя верхнепалеолитическими слоями и двумя слоями эпохи металлов (Савич 1987; Черныш 1985). Единодушного мнения о количестве верхнепалеолитических слоев, равно как и о их стратиграфическом положении, тем не менее, пока нет. Связано это с явно недостаточной изученностью взаимоотношений артефактов с вмещающими литологическими слоями. Этот пробел, следует надеяться, будет восполнен недавно возобновившимися работами на памятнике (А.С. Сытник, А.Б. Богущкий). Вместе с тем, хотя налицо определенная дискуссионность культурно-хронологической колонки Кулычивки, геологический возраст всех верхнепалеолитических остатков единодушно определяется специалистами как паудорфский (дубновский). Согласуются с этой датировкой и имеющиеся абсолютные даты, публикуемые В.П. Савичем (31 и 25 тыс. лет назад для слоя III и II, соответственно) (Савич 1987). Нет ника-

ких указаний в пользу датировки третьего слоя интерстадиалом Хенгело, что предложено Я.Козловским (Kozlowski 1996).

Накопленные за время 20-летних раскопок материалы колоссальны, полноценная обработка их вполне может составить предмет специальной многолетней исследовательской программы. Настоящий раздел базируется на обработке материалов III (нижнего) верхнепалеолитического слоя из раскопок В.П. Савича 1979 г. (площадь 108 м²), в полном объеме переданных на хранение в Тернопольский краеведческий музей.

· Фаунистические остатки

По данному В.П. Савича (Савич 1975) слою верхнепалеолитического времени доставляют остатки *Mammuthus pr. Blum*, *Rangifer tarandus L.*, *Cervus elaphus L.*, *Capreolus sp.*, *Bison priscus Boj*, *Equus Pidop.*, *Canis lupus L.*, *Crocuta sp.*, *Felis spelaea L.*, *Lepus sp.*, *Ursus sp.* Какие именно виды и в каких пропорциях были представлены в материалах раскопа 1979 г. установить пока не представляется возможным. Из полевых отчетов автора раскопок следует как будто бы, что третий слой в разные годы доставлял, главным образом, остатки северного оленя, мамонта, лошади.

· Каменный инвентарь

Сырьем служил высококачественный меловый кремль туронского яруса. Цветность — темно-серый до черного (преобладает), светло-серый и серый полосчато-зональный (распространен) и коричнево-шоколадный (редок). Основной тип исходного сырья — желваки и конкреции с гладкой поверхностью. Поделочный камень в изобилии имеется в непереот-

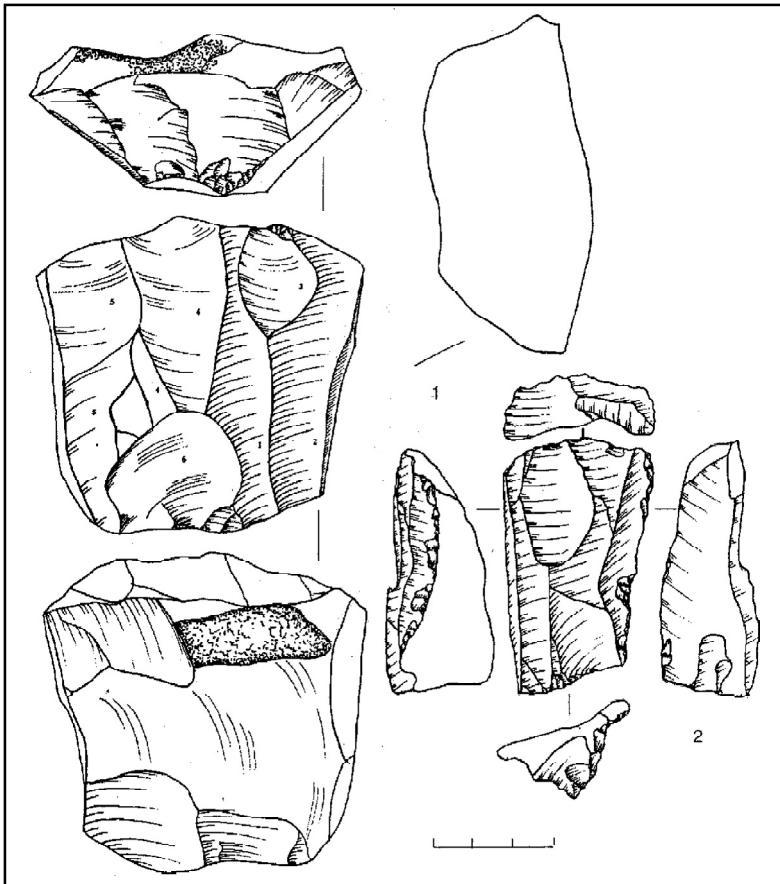

Рис.4. Каменный инвентарь стоянки Кулычівка, III слой (раскопки В.П. Савича 1979 г.). 1, 2 — леваллуазские нуклеусы.

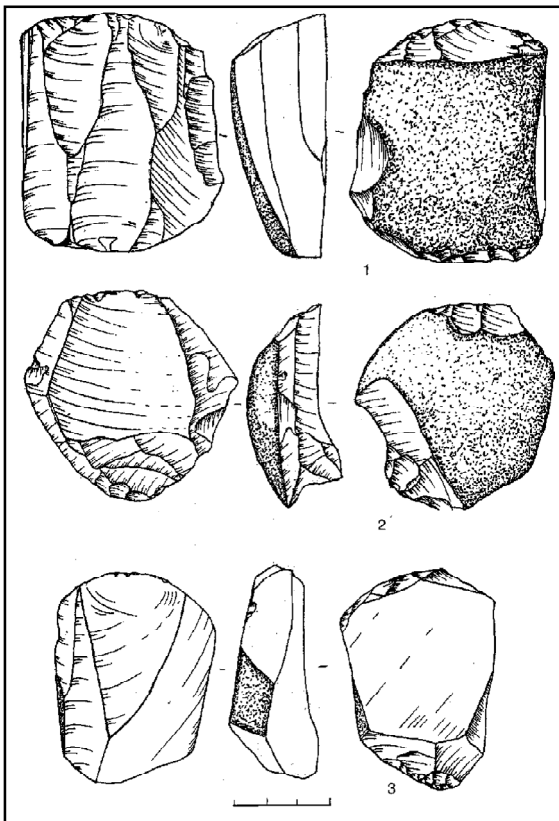

Рис.5. Каменный инвентарь стоянки Кулычівка, III слой (раскопки В.П. Савича 1979 г.). 1-3 — леваллуазские нуклеусы.

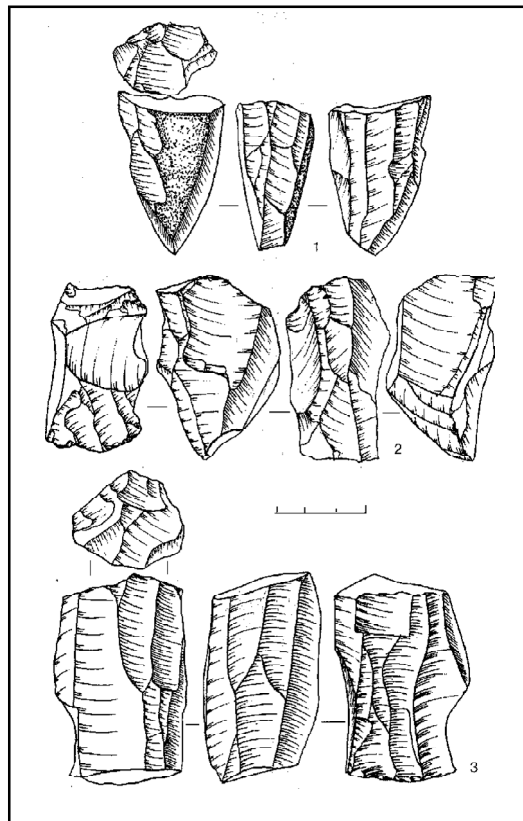

Рис.6. Каменный инвентарь стоянки Кулычівка, III слой (раскопки В.П. Савича 1979 г.). 1-3 — призматические нуклеусы.

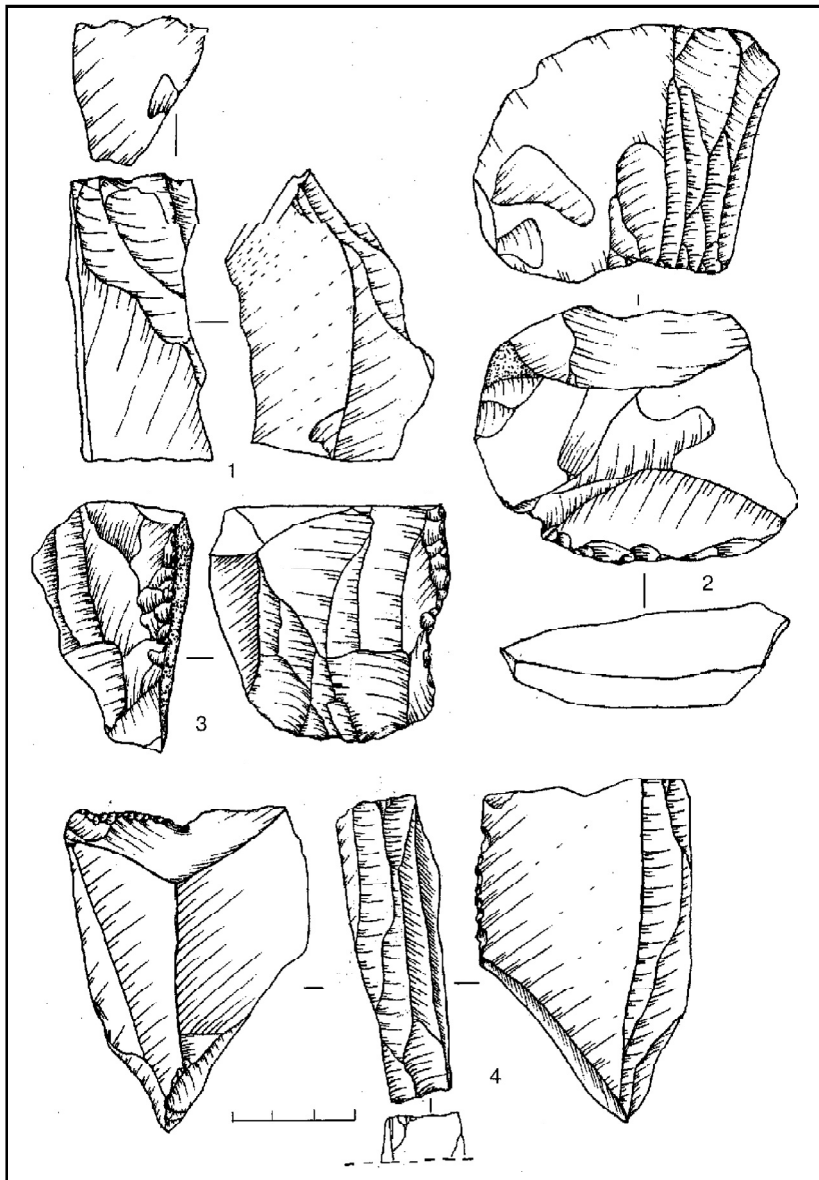

Рис.7. Каменный инвентарь стоянки Кулычивка, III слой (раскопки В.П. Савича 1979 г.). 1-4 — призматический и торцевые нуклеусы.

ложенных выходах и в перемещенном состоянии в непосредственной близости от стоянки.

Физическое состояние расщепленных кремней III слоя из раскопок 1979 г. хорошее. Следы люстража и эрозии практически отсутствуют. Нет морозобойных повреждений. В то же время многие кремни покрыты патиной, интенсивность и локализация которой не постоянны. Побывавшие в огне кремни единичны. Индекс фрагментации сколов составляет 37,1 (по серии пластин, данные В.П. Савича); индекс чешуек — 27,7. Очевидно, что, сравнительно небольшое количество мельчайших сколов указывает на неполную сохранность материалов. Даже если учесть неизбежные потери во время раскопок, следует признать, что III слой не может быть отнесен к числу мало потревоженных внешними факторами. Необычно высокий индекс фрагментированных сколов, однако, не может быть объяснен лишь действием природ-

ных факторов. Следует согласиться с В.П. Савичем в том, что обитатели стоянки практиковали намеренную фрагментацию заготовок. Аргументом в пользу такого мнения могут служить и специфические макропризнаки на гранях сломов, которые, по мнению некоторых исследователей, можно расценивать как указание на намеренность фрагментации.

Проработанная нами коллекция III слоя Кулычивки насчитывает 6408 предметов. Представлены: 222 орудия, 2860 отщепов, 1325 пластин (20,1%), 1773 чешуйки, 52 обломка кремня, 53 нуклевидных обломка, 15 пренуклеусов, 108 нуклеусов.

Серия целых сколов характеризуется следующими индексами: IFs 15,73; IF 26,98; I lam 51,41. Как видим, по формальным показателям рассматриваемая индустрия среднефасетированная и несомненно пластинчатая. Индекс точечных площадок по серии сколов со-

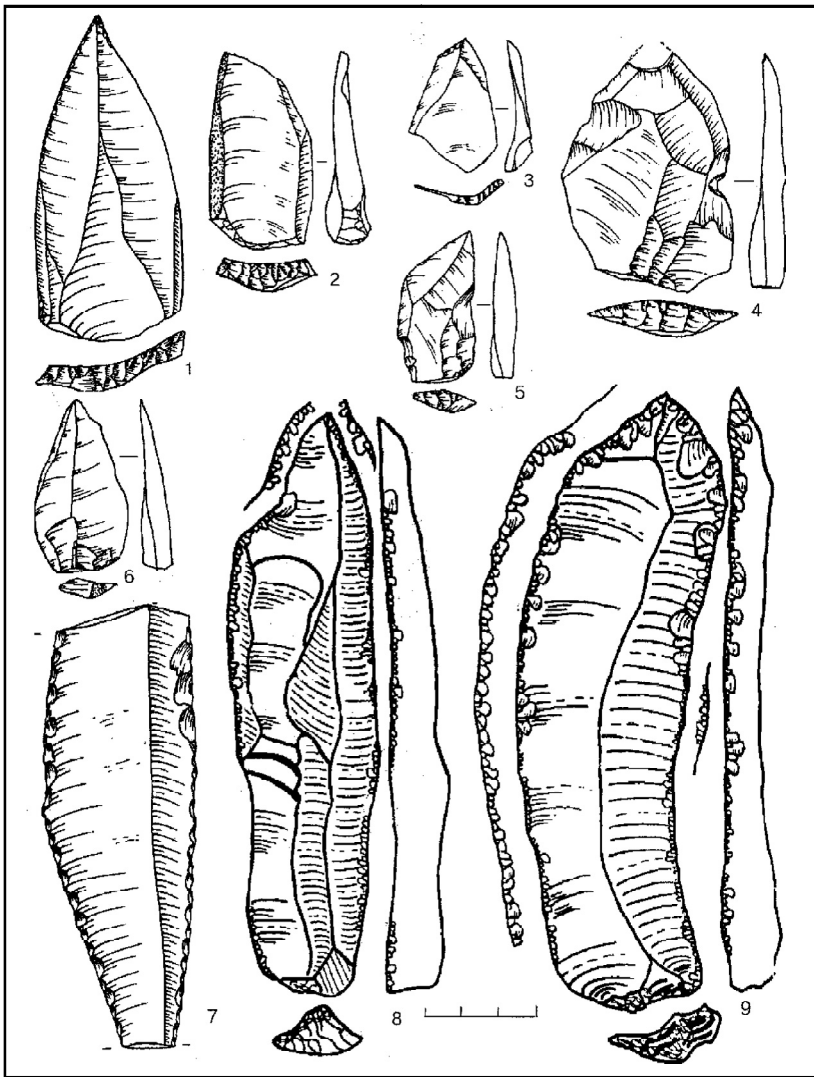

Рис. 8. Каменный инвентарь стоянки Кульчивка, III слой (раскопки В.П. Савича 1979 г.). 1-6, 8, 9 — продукты леваллуазского расщепления (острия, пластины, отщепы; часть — ретушированные), 7 — продукт призматического расщепления (пластина с ретушью).

ставляет 19,1; индекс гладких площадок 49,4; показатель центростремительно остранных сколов 0,2; показатель сколов с параллельной и под-параллельной огранкой 81,1 (и, в том числе, показатель сколов параллельных встречного снятия 24,4). Обращает на себя внимание очень небольшое число первичных и полупервичных отходов среди чешуек и отщепов до 2,5 см в поперечнике, соответственно 2,3 и 15,1%. Это является косвенным указанием того, что первоначальная обработка сырья производилась вне вскрытого участка слоя. Не исключено, впрочем, что эти данные можно расценивать и как свидетельство преимущественного отбора для дальнейшей утилизации более крупных отдельных частей сырья. Сколы, появившиеся в результате начального этапа обработки сырья, составляют до 39% общего числа, сколы-заготовки — более 54 и сколы подправки нуклеусов — 5,8%, отходы оформления орудий — около 1%. Сколы подправки нуклеусов представлены минимальным числом сколов *debordant*, характерных для среднепалеолитических комплексов, разнотипны-

ми настоящими реберчатыми сколами и даже правильными таблетками. Стандартные сколы-отходы ретушировки практически отсутствуют, что, в частности, может объясняться условиями консервации слоя. Сколы-отходы изготовления орудий представлены исключительно резцовыми сколами. Показатель интенсивности использования расщепленных продуктов для целей вторичной обработки составляет всего лишь 5%.

Итак, индустрия III слоя Кульчивки характеризуется большим числом неостребованных сколов, многочисленными нуклеусами, редкими сколами-отходами ретуширования и переоформления орудий. Все эти показатели характерны скорее для мастерских, чем для стоянок, но учитывая близость и изобилие сырья, они вполне объяснимы.

Судя по тенденциям отбора заготовок, индустрия была ориентирована на получение крупной широкой пластины. Пластины получали различными способами, используя объемные призматические и торцевые нуклеусы, наряду с леваллуазскими параллельными плос-

костными одноплощадочными и двуплощадочными встречного снятия. Технология двусторонней заготовки в Кулычивке не применялась. Расщепление кремня производилось как мягкими, так и твердыми отбойниками, что подтверждается как следами на расщепленных продуктах, так и наличием самих этих предметов. Ретушь, в основном, представлена крутой и полу-крутой чешуйчатой, образцы параллельной и суб-параллельной также не редки. Хорошо представлена техника резцового скола. Особого внимания заслуживает практика намеренной фрагментации крупных пластинчатых заготовок.

В коллекции слоя имеется 50 плоских и 58 объемных нуклеусов. Подавляющее большинство (48) ядрищ первой группы составлено специфическими леваллуазскими одно- и двуплощадочными (преобладают) изделиями встречного снятия (рис. 4: 1, 2; 5: 1-3). Судя по негативам сколов на имеющихся нуклеусах, среди продуктов расщепления имелись леваллуазские остря, а также отщепы и пластинчатые сколы (соотношение последних 1 : 2). Среди нуклеусов объемного расщепления имеются 46 призматических (рис. 6: 1-3) и 12 торцевых одно-двуплощадочных ядрищ (рис. 7: 1, 2, 4). Меняется облик конечной продукции: соотношение отщепов и пластин для первой группы нуклеусов составляет 1 : 9, а для второй — 0 : 12. Важно подчеркнуть, что в коллекции полностью отсутствуют призматические нуклеусы для микропластин. Ударные площадки плоских ядрищ подготавливались оббивкой, ретушированием (более половины всех площадок) и перебором. Аналогичные приемы применялись и для подготовки объемных нуклеусов, однако тонкофасетированных площадок всего до 6%, а показатель площадок, подготовленных только перебором, возрастает с 23 до 63%. В целом для слоя можно констатировать сосуществование пережитков среднепалеолитической и развитой верхнепалеолитической технологий расщепления.

В типологии орудий среднепалеолитический

компонент сводится только к наличию серии типичных леваллуазских острей. Все остальные морфологически выраженные типы уже целиком относятся к верхнепалеолитическим. Так, среди орудий имеются: скребки — 60, резцы — 20, леваллуазские остря — 15 (рис. 8: 1, 3, 4, 6), ножи — 3, нож-скобель — 1, остря — 6, тронкированные пластины — 8 (рис. 10: 3, 7, 10), усеченное изделие с выемкой — 1, скобель — 10, нож-резчик — 4, резчик — 6, скребок-резчик — 2, зубчатое — 2, анкоши — 10, *piece esquille* — 1 (рис. 10: 5), пластины с ретушью — 10 (рис. 8: 7-9), отщепы с ретушью — 4.

Среди скребков имеются: нуклевидные (включая *carene, a museau, rabot*) — 15 (рис. 9: 1, 3-6), концевые на отщепе — 18, концевые на пластине — 16 (рис. 10: 1, 2, 4, 8, 9), подокрутые на отщепе — 4 (рис. 10: 6), двойной — 1.

Резцы представлены (рис. 11, 1-9): двугранными — 3, поперечными многофасеточными — 1, поперечными — 4, угловыми — 7, ретушными многофасеточными — 5, кареноидный резец (рис. 10, 2).

Итак, в целом индустрия III слоя Кулычивки из раскопок 1979 г. может быть определена как базирующаяся на пластинчатой верхнепалеолитической технологии, несомненно верхнепалеолитическая по типологии орудий, причем имеющая отчетливые ориньякские черты, однако органически включающая не менее выразительный леваллуазский компонент как в технологии так и, отчасти, в типологии.

Аналогии

В.П. Савич относил индустрию III слоя к начальной стадии верхнего палеолита и усматривал аналогии в раннем граветте Среднего Поднестровья (Бабин I, Молодова V, Кормань IV и др.). Высказывается мнение о индустрии как о переходной пластинчатой леваллуаз-ориентированной (Demidenko & Usik 1993; Kozłowski 1996).

Поиск аналогий материалам Кулычивки закономерно приводит к необходимости рассмотреть материалы Центральной Европы, Балкан и Ближнего Востока.

Центральная Европа: Богунисьен

Локальная моравская группировка памятников (Богунисе, Подоли, Одранице, Стренска Скала и др.) достаточно подробно описана с технологической, типологической, культурологической и даже социо-психологической точек зрения (Svoboda 1987, 1990, 1993; Svoboda & Skrlida 1995; Svoboda *et al.* 1996; Oliva 1984; Valoch 1990; Allsworth-Jones 1990; Kozłowski 1988, 1996).

Хронология богунисьена хорошо аргументирована стратиграфически и подкреплена серией абсолютных датировок. Выделяется две группировки памятников, различающихся по хронологии и палеоландшафтному окружению. Более

ранняя группа предшествует, а более поздняя непосредственно увязывается с Хенгело.

Технико-типологические черты хронологически различных стоянок в целом близки. Техника расщепления базируется на биполярном встречном плоскостном расщеплении подчеркнуто леваллуазского облика и призматическом объемном расщеплении, которое, как правило, преобладает. Уровень применения леваллуазской технологии, как кажется, зависит от близости к выходам сырья. Анализ складней (Svoboda & Skrlida 1995) демонстрирует примеры леваллуазского расщепления нуклеусов, инициализированных снятием тщательно подго-

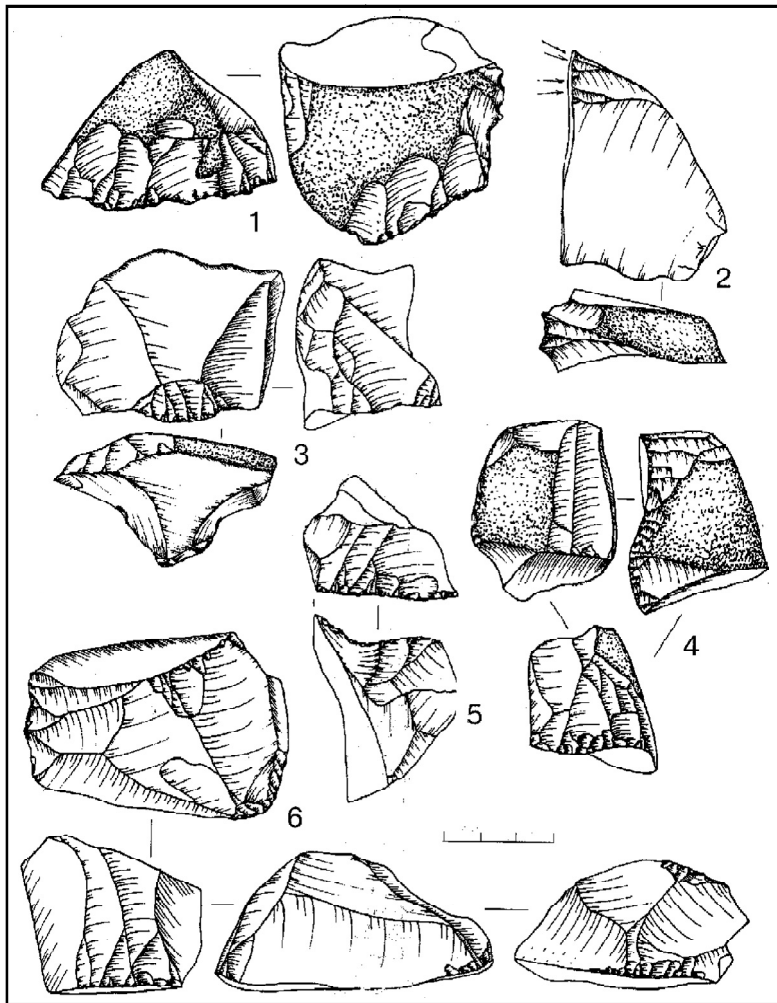

Рис.9. Каменный инвентарь стоянки Кульчівка, III слой (раскопки В.П. Сави-ча 1979 г.). 1, 4 — карено-идные скребки; 2 — кареноидный резец; 3 — скребок с носиком; 5,6 — раба.

товленного продольного ребра. В процессе утилизации одного и того же нуклеуса могли последовательно применяться как правильное объемное так и леваллуазское плоскостное расщепление (рис. 12: А, В). Конечная продукция расщепления: массовые пластины и значительно более редкие леваллуазские острия. Наборы орудий характеризуются преобладанием скребков (25-45%), постоянным наличием резцов (до 14%). В ранних инвентарях присутствуют нуклеидные формы скребков и отдельные среднепалеолитические формы скребел и мустьерских остроконечников. Микролитический компонент в типологии отсутствует полностью. находка селетских острий в контексте ранних памятников вызвала оживленную дискуссию и ряд взаимоисключающих предположений по поводу взаимоотношений между селетом и богунисьеном.

Вопрос происхождения Богунисьена остается дискуссионным. Молодовское леваллуа-мустье рассматривается как наиболее вероятная подоснова (Valoch 1990; Svoboda 1990), однако это положение нельзя считать хорошо обоснованным. Так, днестровские памятники не доставляют свидетельств развития после 60 тыс. лет назад (Иванова 1987), налицо, таким образом, значительный временной разрыв с богунисьенскими памятниками. Сомнения в возможности преемственности усиливаются кардинальными различиями в типологии: ин-

вентари молодых стоянок не демонстрируют каких-либо тенденций к производству верхнепалеолитических типов орудий. По существу формальным кажется и технологическое сходство, поскольку молодые материалы демонстрируют иное леваллуа, нежели богунисьенские памятники (ср. Сытник 1996). Наконец, на западе Украины имеется памятник (Жорнов), могущий по ряду признаков рассматриваться в качестве потомка молодого леваллуа-мустье (Пясецкий 1992) и не доставляющий свидетельств эволюции в сторону богунисьенских и кремнецких индустрий.

В целом следует признать высокий уровень сходства индустрии III слоя Кульчівки и инвентарей богунисьена. Сходство прослеживается как на уровне технологии, так и на уровне типологии. Объединяющим моментом является наличие ориньякских черт в наборах орудий, хотя оно значительно слабее в случае богунисьена. Примечательна меньшая представленность в материалах украинского памятника среднепалеолитических типов изделий, что, возможно, объясняется

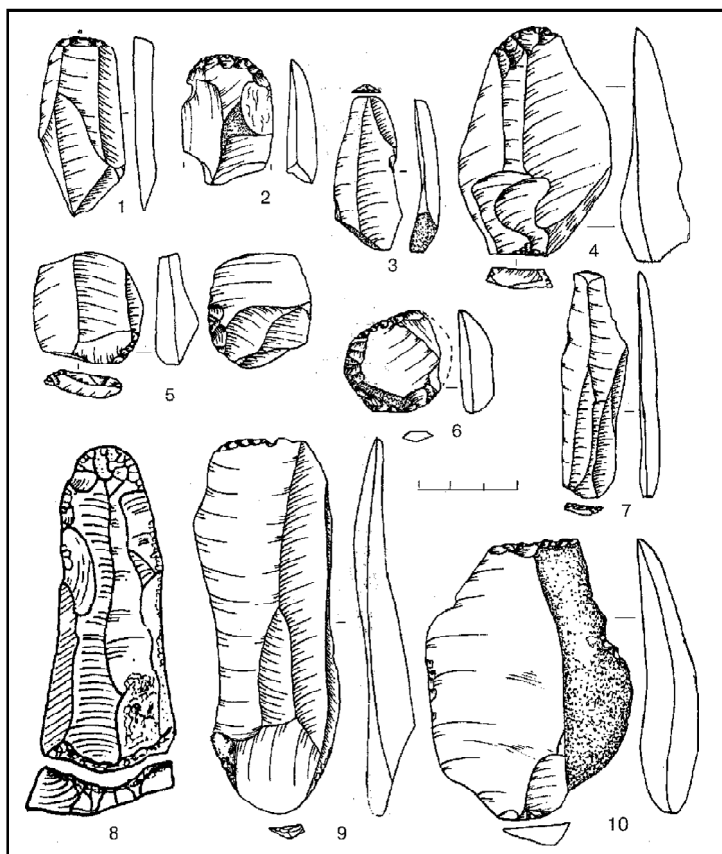

Рис. 10. Каменный инвентарь стоянки Кульчивка, III слой (раскопки В.П. Савича 1979 г.). 1, 2, 4, 8, 9 — скребки концевые на пластинах, 3, 7, 10 — тронкированные изделия, 5 — ріесе esquille, 6 — подокруглый скребок.

более поздним возрастом Кульчивки. Территориальная и, в целом, хронологическая близость богуньсьена и кульчивского кремнисьена усиливает впечатление близости этих двух индустрий.

Недавно прозвучало предположение о балканском происхождении богуньсьена (Ginter et al. 1996; Kozłowski 1996), что заставляет, в поисках аналогий III слоя Кульчивки, обратить внимание и на этот регион.

Балканы: пещера Темната

Согласно текущим представлениям, материалы VI слоя в секторе TD-II болгарской стоянки Темната относят к числу переходных от среднего к верхнему палеолиту. Как предполагается, индустрия VI слоя датируется между 50-45 тыс. лет назад и сменяется инвентарями бачокирьена, имеющих серию карбоновых дат в районе 40 тыс. лет назад (Ginter et al. 1996).

Слой демонстрирует постепенное изживание среднепалеолитических типов орудий и возрастание числа верхнепалеолитических изделий. Технологически, индустрия базируется на использовании леваллуазского биполярного рекуррентного плоскостного расщепления, наряду с применением объемного призматического одно- и двуплощадочного раскалывания (рис. 13: 5, 6) с применением приема подготовки ребра на этапе инициализации нуклеуса. Леваллуазские продукты расщепления довольно многочисленны, но острия леваллуа встречаются лишь спорадически (Ginter et al. 1996: 188). Скребла преобладают среди ретушированных изделий, но наряду с ними встречены концевые на пластинах скребки и резцы (рис. 13: 1-4, 7).

Индустрии слоя, по крайней мере хронологически, предшествуют местные среднепалеолитические памятники типа Муселиево-Самулица (Sirakov 1983; Sirakova 1990). Наличие многочисленных двустороннеобработанных листовидных острий в контексте среднепалеолитических памятников и отсутствие таких изделий в материалах Темнаты не позволяет все же с уверенностью предполагать связь между ними.

Как видим, и в случае VI слоя пещеры Темната мы имеем дело с комбинацией леваллуазского встречного снятия и призматического объемного расщепления. Леваллуазские сколы часты, однако острия скорее единичны. В типологическом отношении налицо комбинация среднепалеолитических (скребла на сколах) и верхнепалеолитических (концевые на пластинах скребки) черт. Отсутствуют ориньякские признаки и свидетельства микролитической техники.

Как видим, намечается принципиальное сходство между материалами III слоя Кульчивки и VI слоем Темнаты, по крайней мере, в области технологии.

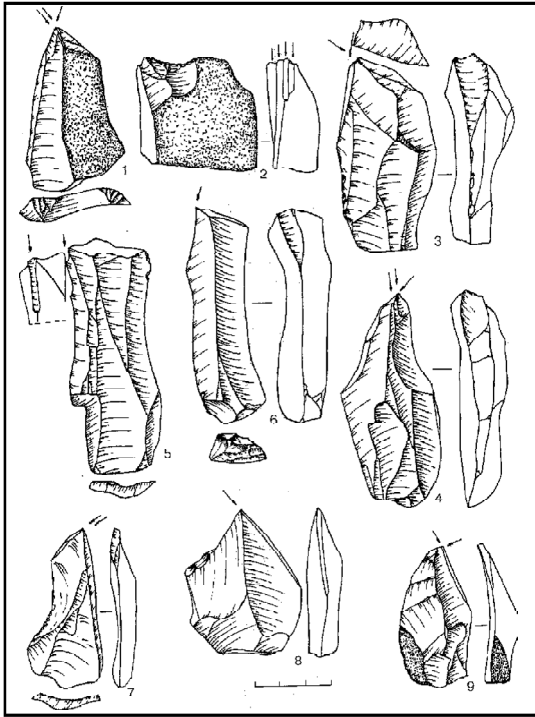

Рис.11. Каменный инвентарь стоянки Кульчивка, III слой (раскопки В.П. Савича 1979 г.). 1-9 — различные типы резцов.

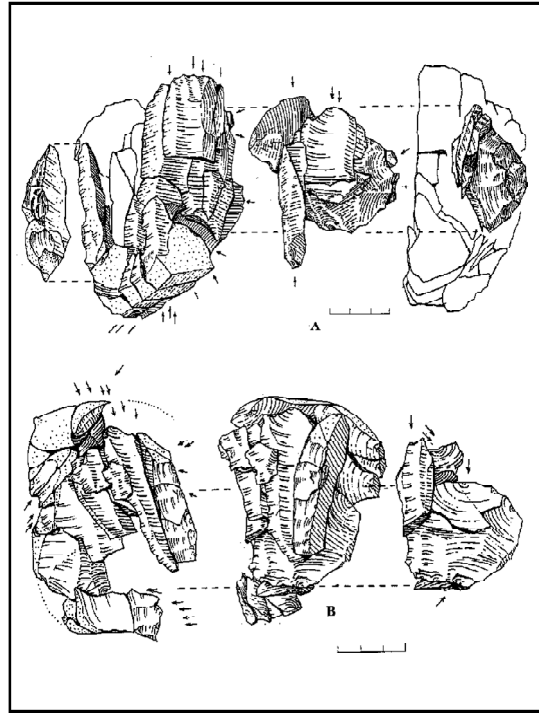

Рис.12. Каменный инвентарь стоянки Стренска Скала IIIa (по Svoboda & Skrdla 1995). A, B — ремонт нуклеусов.

Ближний Восток: Эмирье

Сходные с показателями III слоя Кульчивки технологические и типологические черты доставляются рядом левантийских памятников, в частности Бокер Тахтитом и Кзар-Акилом (Marks 1993; Ohnuma & Bergman 1990; Bar-Yosef 1996, 1996a; Meignen 1995, 1996). Переходные слои Кзар-Акила в технологическом отношении близки переходным материалам Бокер Тахтита. Имеются, впрочем, различия в типологии, которые расцениваются иногда как указание на наличие на Ближнем Востоке двух различных моделей перехода к верхнему палеолиту.

Пластинчатая леваллуазская технология впервые фиксируется в Табуне D около 100-110 тыс. лет назад. Имеются указания на наличие объемного расщепления и верхнепалеолитических орудий (Marks & Monigal 1995; Henly 1995; Meignen 1996). Рош Эйн Мор, доставляющий данные о ранних этапах левантийского мустье, характеризуется обилием леваллуазских острий (45%), преобладанием скребков на пластинах среди орудий, отсутствием ориньякских черт и микропластинчатой технологии, подчиненным положением собственно среднепалеолитических типов (Marks & Monigal 1995). Финальный этап левантийского мустье в слое 1 Бокер Тахтита датируется 46-47 тыс. лет назад и имеет выраженный леваллуазский компонент. Ранний не-ориньякский верхний палеолит (ахмариен), вероятно, связанный с пе-

реходными индустриями типа Бокер Тахтита, не доставляет свидетельств применения леваллуазской технологии и датируется 43-42 тыс. лет назад. Ранние проявления отщепового ориньяка, происхождение которого не установлено, происходят из Кебары и датируются около 36 тыс. лет назад (Bar-Yosef 1996, 1996a; Bar-Yosef & Belfer-Cohen 1996). Ахмариен и левантийский ориньяк сосуществуют далее на протяжении около 15 тыс. лет.

Переходные комплексы Бокер Тахтита демонстрируют ряд технологических изменений (Marks 1993; Meignen 1995), заключающихся в замене бипродольного плоскостного острейного леваллуазского расщепления однополюсным, ориентированным как на острия так и на пластины, а затем объемным пластинчатым призматическим. В типологическом наборе главенствуют верхнепалеолитические типы (скребки, резцы), для переходных индустрий как-будто бы исключительно характерны острия Emireh.

Подчеркивается технологическое и типологическое сходство эмирье и богунисьяна (Valoch 1990; Marks 1993), по мнению Э.Маркса — «поражительное» (Marks 1993: 44).

Материалы III слоя Кульчивки фундаментально сходны с ближневосточными переходными комплексами. Очевидны определенные типологические различия (ориньякский компонент в ин-

вентаре украинской стоянки). Не ясно также, соответствуют ли технологические изменения, фиксируемые в колонке Бокер Тахтита, технологи-

ческим изменениям в последовательности Кульчивки, поскольку этот вопрос на материалах последней стоянки пока еще не решался.

Обсуждение

Наличие ориньякских типологических черт в инвентаре Кульчивки не оговаривалось автором раскопок (Савич 1975; 1983) и другими исследователями, знакомившимися с этими материалами (Demidko, Usik 1993). Напротив, М.В. Аникович относит все слои Кульчивки к группе «ориньякоидных» индустрий (1994). Эта группа включает такие разные в технико-типологическом отношении комплексы, как Радомысль, Жорнов, Мураловка и Костенки 17, сл. 2. Таким образом, специфические черты Кульчивки оказались потерянными. Мы старались показать, что в инвентаре Кульчивки некоторые ориньякские типологические компоненты сочетаются с леваллуазской технологией. Технологически близкие материалы Леванта и Балкан не доставляют ориньякских черт. Возможное объяснение видится в том, что ориньякской традиции еще не существовало на момент бытования эмирьяна и VI слоя Темнаты. Напротив, моравский богунисьен, также как и кременецкая индустрия, содержит ориньякский компонент в наборе каменных орудий. Весьма показательны, что Кульчивка, слой III доставляет орнаментированный олений рог (Савич 1975), находку, которая последовательно вписывается в ориньякскую символику.

Таким образом, имеющиеся данные позволяют предполагать участие ориньякского импульса в сложении центрально- и восточно-европейских переходных индустрий, базирующихся в значительной степени на леваллуазском расщеплении. Это предположение как будто противоречит датировке древнейших памятников ориньяка в Центральной Европе (Кремс-Хундштайг, Виллендорф II: 3), имевшейся несколько лет назад и группировавшейся в районе 35-34 тыс. лет назад (ср.: Svoboda *et al.* 1996) и, тем самым, более молодой, чем даты богунисьена. Однако новые даты ориньякских памятников Средиземноморья и Центральной Европы (Straus 1996) существенно древнее и группируются около 40-42 тыс. лет назад (данные по стоянкам Фуман, Эль Кастильо, Виллендорф I: 2, Виллендорф II: 1-2, Гайсенклотерле: 3, Тру Магрит). Таким образом, имеются прямые указания на сосуществование в Центральной Европе богунисьена, селета и ориньяка. Распространение ориньяка в центральной и восточной Европе увязывается с вюрмом I-II, то есть с эпизодами Хенгело, Штилфрид и Штилфрид В. Восточный ареал доставляет в среднем более молодые даты, чем центрально-европейский ареал (Синицын 1997).

Моравские памятники доставляют определенные свидетельства взаимодействия богунись-

сьена с селетом. Что касается кременецкой индустрии, то В.П. Савичем опубликованы отдельные двусторонние листовидные изделия из Кульчивки, напоминающие селетские остря. Однако, по данным А.С. Сытника (лич. сообщ.), эти орудия вероятнее всего являются более поздней механической примесью к верхнепалеолитическим материалам и не имеют отношения к селету.

Кульчивка, слой III наряду с леваллуазскими пластинчатыми индустриями эмирьяна, Темнаты: VI и богунисьена может быть отнесена к одной разновидности. Сходство с моравскими инвентарями более выражено. Отличающаяся хронология и удаленная от Моравии географическая локализация позволяют в предварительном плане рассматривать индустрию Кульчивки как самостоятельное явление, обозначая его термином «кременецкая традиция» (=Kremenecian). Исходя из наличных абсолютных дат, третий и второй слои Кульчивки датируются между 31-25 тыс. лет назад. Если в дальнейшем подтвердится, что второй слой не имеет принципиальных различий с третьим и также доставляет кременецкую индустрию (судя по имеющимся публикациям и отчетным материалам В.П. Савича, это так, хотя, не ис-

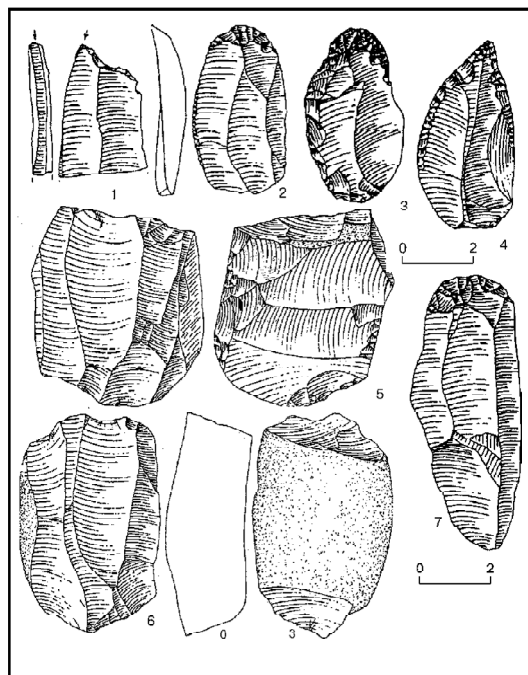

Рис. 13. Каменный инвентарь стоянки Темната, сектор TD II, слой VI (по Ginter *et al.* 1996). 1 — ретушный резец, 2, 3, 7 — концевые скребки, 4 — остря на пластинчатом сколе/ остроко-нечник, 5, 6 — нуклеусы.

ключено, включает некоторые граветтские компоненты), то эта традиция доживает вплоть до второй стадии восточного граветта (см. периодизацию восточного граветта: Otte *et al.* 1996).

Важно, что эмирье, материалы Темнаты, богунисье и кремений, относящиеся к одному технокомплексу, в технологическом отношении характеризуются сочетанием плоскостного леваллуазского расщепления и объемного пластинчатого снятия, иногда сопровождающегося техникой подготовки ребра. Таким образом, одна и та же продукция производилась различными методами, что действительно соответствует определению «более процесса, чем результата» (Bar-Yosef & Dibble 1995: xi). В последующих верхнепалеолитических индустриях (ахариен, ориньяк и граветт), напротив, мы имеем дело с унификацией технологии. Эти наблюдения позволяют рассматривать вышеупомянутый технокомплекс как переходный.

Материалы рассмотренных выше памятников, основывающихся (наряду с объемным верхнепалеолитическим) на плоскостном одно- или двуполосном пластинчатом расщеплении леваллуазского плана, хорошо ранжируются в трехуровневую классификационную схему. Верхний уровень — *технокомплекс* — объединяет ближневосточные, балканские, центрально-европейские и восточно-европейские проявления на основании единства примененной технологии расщепления. Следующий уровень — *традиция (индустрия)* — характеризуется, при общем технико-типологическом подобии инвентаря, особыми территориальными и хронологическими рамками: эмирье Леванта (47-40 тыс. лет назад), Темната, слой VI на Балканах (50-45 (?) тыс. лет назад), богунисье в Моравии (42-36 тыс. лет назад), кремений в западе Украины (31-25 тыс. лет назад). Различия на следующем уровне — *тип индустрии* — задаются разницей поведенческих норм и образа жизни (стратегии жизнеобеспечения, способы эксплуатации территории, обеспечение сырьем и т.п.); несколько типов индустрий различается в ближневосточном эмирье и центрально-европейском богунисье.

В поисках леваллуазской среднепалеолитической подосновы моравского Богунисья, коллеги из Чехии склонны обращаться к днестровским памятникам (К. Валох, И. Свобода). Предполагаемая связь не может быть исключена хотя бы потому, что на близлежащих территориях других выразительных леваллуазских памятников попросту нет. Не может такая связь и утверждаться уверенно, поскольку слишком велик хронологический разрыв между моравскими ранними верхнепалеолитическими памятниками и днестровским средним палеолитом — по крайней мере около 20 тысяч лет — и слишком велика разница прочих, исключая леваллуазскую технологию, технико-типологических показателей. Технология также высту-

пает не такой уж надежной основой для сближения молодовской и кремонецкой индустрий, поскольку среднепалеолитические памятники базируются на отщеповом леваллуа, ориентированном на рекуррентное центростремительное расщепление. Переход от этой технологии к кремнецкому полярному и биполярно-встречному параллельному расщеплению возможен, но также нуждается в дополнительной аргументации.

Для днестровских среднепалеолитических памятников, которые были открыты и исследованы А.П.Чернышом, Н.К.Анисюткиным, а также тех, что в последнее время исследуются А.С.Сытником, на геологических основаниях более или менее аргументируется следующая хронологическая последовательность: Проньтин — Кетросы — Молодовские стоянки. Предложенная последовательность механически не подразумевает, однако, генетической преемственности этих памятников, вопрос которой остается в стадии изучения. Леваллуазские комплексы IV слоя Молодово I и 11 слоя Молодово V остаются наиболее поздними из тех, что могут быть удовлетворительно охарактеризованы с точки зрения традиционной технико-типологии.

Своеобразные комплексы слоев Кульчивки под Кременцем формально обладают всеми признаками, позволяющими рассматривать их как местный аналог богунисья. Остается открытым вопрос о природе кремонецкой индустрии, ее взаимоотношениях с центрально-европейскими, ближневосточными и балканскими аналогиями. Примечательно, однако, что и в отношении кремонецкой индустрии высказано предположение о связи с молодовскими леваллуазскими комплексами (В.П.Савич; Ю.Э.Демиденко и В.И.Усик). Общее основание — сохраняющаяся в контексте раннего верхнего палеолита леваллуазская технология — безусловно здесь есть. В то же время хронологический отрыв составляет, судя по наличным датировкам, уже до 30 тысяч лет, а типологические несоответствия по-прежнему радикальны.

Так или иначе, в качестве весьма предварительного предположения разными авторами высказывается мысль о том, что молодовское мустье послужило одной из подоснов ранних верхнепалеолитических индустрий, переходной облик которым сообщается мощным переживанием леваллуазской технологии. К сожалению, наиболее важные с точки зрения характеристики процесса мутации этапы предполагаемой эволюционной последовательности практически отсутствуют в днестровских памятниках.

Была ли эта, возможно, имевшая место, трансформация всеобъемлющей, по крайней мере в рамках Среднего Поднестровья? Это также неясно. Во всяком случае, с таким предположением не согласуются материалы — по

определению автора исследований В.К.Пясецкого — мустьерского нижнего слоя стоянки Жорнов. Этот памятник имеет тот же геологический возраст, что и Кулычивка, но с точки зрения формальной технико-типологии он имеет больше оснований считаться наследником молодого среднего палеолитического леваллуа. В этом смысле Жорнов приобретает особое значение для решения вопросов эволюции позднечетвертичных индустрий с леваллуазскими традициями на территории Западной Украины. Именно потому интерпретация этого памятника может быть лишь весьма осторожной и нуждается в дополнительной оценке. Если же подтвердится мнение о средне-палеолитическом характере Жорнова, а также окажется верным предположение об одинаковых истоках Жорновского среднего палеолита и кремневой индустрии, то мы будем иметь дело с многозначительным фактом дивергенции в эволюции палеоиндустрий.

Поднепровские леваллуа-мустьерские памятники имеют аналогии на территории континентальной Украины. Так, разрозненные и плохо документированные материалы имеются в Среднем Поднепровье (Ненасытец I, Скубова балка — материалы А.А.Бодянского). Более информативные памятники известны на Донбассе — Курдюмовка (А.В.Колесник) и относительно многочисленны в Крыму: Шайтан-Коба I (Г.А.Бонч-Осмоловский), Алешин Грот (Ю.Г.Колосов, В.Н.Степанчук) и ряд других. Комплексы Подонцовья геологически датируются до-бурепом и, по мнению А.В.Колесника, сходны с кабазийской индустрией Крыма. Абсолютный возраст крымских памятников остается пока неустановленным, но есть ряд не прямых указаний, позволяющих считать его по крайней мере не моложе 50 тысяч лет. Отличия между перечисленными памятниками и памятниками Поднепровья, разумеется, есть. Но, в то же время, и уровень сходства достаточно высок, как, например, в случае Пронятина и Алешиного Грота.

Для памятников типа Шайтан Кобы I предполагается эволюция в комплексы типа Кабази II, слой II (В.П. Чабай). Абсолютная дата последних различными датировочными методами устанавливается в пределах между 50-30 тысяч лет. Вместе с тем, несмотря на такой поздний возраст финальных проявлений этой палеотрадиции, облик индустрии остается, несомненно, среднепалеолитическим и может быть охарактеризован как леваллуа-ориентированное пластинчатое типичное мустье. В этих материалах имеются прямые технологические соответствия с индустриями Богунищева и Кулычивки. Индустрия Кабази II доставляет более весомые основания, чтобы рассматриваться в качестве непосредственной среднепалеолитической подосновы указанных ранних верхнепалеолитических комплексов переходного

облика. С этим не согласуется, однако, картина последовательной эволюции, не выходящая, как это документируется колонкой Кабази II, за рамки «среднепалеолитических норм».

Таким образом, на основе хотя и не идеально идентичных, но существенно близких среднепалеолитических памятников леваллуазской ориентации в Поднепровье и Крыму, как предполагается, вырастают индустрии, различающиеся в значительной мере типологически и в меньшей мере технологически, а именно комплексы типа Кабази II: II, Жорнова, Кулычивки. Важно, что крымская кабазийская индустрия не дает никаких свидетельств перехода к верхнему палеолиту, а богуницкая и кремневая индустрии демонстрируют очень существенные ориньякские признаки. Этот факт, учитывая близкий возраст всех трех индустрий, в принципе можно рассматривать как аргумент в пользу аккультурационной модели перехода к верхнему палеолиту на рассматриваемой территории.

Богуницкая и кремневая традиции сформировались под воздействием ориньякских влияний. Аналогичный импульс со стороны ориньяка предполагается для селета (Allsworth-Jones 1990a) и для затронутых в работе парамикокских индустрий финального среднего палеолита юга Восточной Европы. Все три претендующих быть связанными культурных феномена, а именно киик-кобинская традиция Крыма, индустрия Миры на Среднем Днепре и, вероятнее всего, Городцовская культура Среднего Дона объединяются такими чертами, как преимущественно отщепово-ориентированное расщепление, знакомство с технологией изготовления двусторонне обработанной заготовки, частыми уточнениями, альтернативно расположенной и двусторонней ретушью, сходным типологическим набором среднепалеолитических орудий, микролитизмом инвентаря. Ранние городцовские комплексы в колонке Костенок 14 (слой 2 — 28-29 тыс. лет назад и слой 3 — около 30 тыс. лет назад) примерно на 2-4 тысячи лет моложе, чем киик-кобинский слой Буран-Кай III (32-33 тыс. лет назад) (Sinitsyn 1996; Yanevich *et al.* 1996). Не исключено, что индустрия Миры займет некоторую промежуточную позицию в указанных пределах.

Поздние проявления киик-кобинской традиции синхронны ориньякским материалам Сюрени I, однако Крым не дает примеров действительно переходных индустрий, хотя нижний (по Г.А. Бонч-Осмоловскому) слой памятника и доставляет средне-палеолитические орудия. Складывается впечатление, что финальный средний палеолит полуострова и современные ему верхнепалеолитические памятники существовали независимо и контактов между ними практически не было. Возможно, более точно будет предположить, что эти контакты были ограниченными и не привели к появлению на-

стоящих переходных индустрий, облик которых формировался процессами культурной гибридизации, а не отражал подавляющую ассимиляцию, как это, по-видимому, имело место в случае Сюрени I. Киик-кобинская традиция — лишь одна из четырех среднепалеолитических вариаций, различающихся в регионе. Памятники каждой из них — аккайской, старосельской, кабазийской и киик-кобинской — доживают примерно до одного и того же хронологического рубежа около 30 тыс. лет назад и, как представляется по имеющимся на сегодня данным, бесследно исчезают. Затем в заселении полуострова фиксируется некоторая лагуна — для промежутка примерно после 30 и до 20 тыс. лет назад памятники на территории Крыма плохо известны. Какова судьба неандертальского населения Крыма после 30 тыс. лет назад? Исчезает ли оно физически; продолжает еще некоторое время существовать, возможно численно сократившееся, в каких-то территориально узких локальных убежищах; мигрирует за пределы полуострова; ассимилируется пришлым населением и гибридизируется? Эти вопросы остаются пока без сколько-нибудь развернутого ответа, хотя понемногу накапливаются данные, которые, в принципе, могут поддерживать каждую из выше обозначенных альтернатив.

Одна из альтернатив — миграция за пределы полуострова — как будто находит свое подтверждение в наличии на смежных территориях памятников, инвентарь которых принципиально сходен с крымским средним палеолитом. Здесь в первую очередь следует назвать северо-кавказские материалы (Баракаевская, Мезмайская и др.) и некоторые памятники на территории континентальной Украины (Орел). Неразработанными остаются, однако, вопросы времени и причин предполагаемых миграций.

Соотношение среднепалеолитических и верхнепалеолитических составляющих в индустриях III слоя Кульчивки и Миры различно. В первом случае речь идет лишь о леваллуазском компоненте в применяемых технологиях расщепления. Во втором случае среднепалеолитический компонент более существен и проявляется и в технологии и в типологии. Важно, что в обоих случаях верхнепалеолитический компонент характеризуется ориньякскими признаками, более выраженными в случае Кульчивки. Различный облик переходных индустрий Миры и Кульчивки сообщается разницей среднепалеолитического субстрата, испытывавшего влияние со стороны верхнепалеолитической традиции: пара-микокского в случае Миры и леваллуа-мустьерского — в случае Кульчивки. Дальнейшая эволюция индустрии типа Миры, вероятнее всего, ведет в направлении стрелецкой и городцовой (последнее, исходя из нынешних данных, более правдоподобно) культуры. Судьба индустрии типа III слоя Ку-

льчивки пока не ясна, возможно из-за отсутствия аргументированной интерпретации культурной последовательности этого памятника.

Для пара-микока более доказана, а для пластинчатого леваллуа-мустье скорее предположительна тенденция перемещения в направлении с юга на север и на запад. Не исключено, что такие миграции были связаны с палеоэкологическими изменениями и совпадали с периодами потеплений. Возможно предполагать также, что широкому распространению носителей верхнепалеолитических традиций на территории Восточной Европы также способствовали экологические изменения.

Технические достижения финального среднего палеолита рассматриваемых территорий, тем не менее, были вполне достаточными для успешного существования как в более комфортных, так и в более жестких природных условиях. Необходимость адаптации к меняющемуся палеоэкологическому окружению в критический момент между 40-30 тыс. лет назад не могла выступать стимулом к изобретению и внедрению принципиально новых решений в технологии каменного производства и морфологии изделий, поскольку изменения окружающей среды в этот период не были более интенсивными чем те, что имели место, скажем, 80-40 тыс. лет назад. Среднепалеолитические традиции были вполне успешны и поэтому консервативно традиционны. Так, например, любая среднепалеолитическая технология в потенциальной способности произвести поворот к верхнепалеолитическому расщеплению, однако это до известного момента не происходит.

Переход от среднего к верхнему палеолиту был вызван не экологически, а социально обусловленными причинами. Появление в регионе нового населения с иной производственной практикой и отличающейся материальной культурой послужило необходимым стимулом попыток выхода за пределы привычных традиционных решений. Какой характер носили и в какой форме проходили контакты между местным неандертальским населением и пришлым населением современного анатомического облика? Имел ли место устойчивый и жизнеспособный обмен генофондом и гибридизация? Здесь мы вступаем в область плохо изученную (ср.: Аникович 1999).

Если признать, что причина перехода к новым техническим решениям могла быть только внешней, то такой переход мог обеспечиваться, в первую очередь, механизмом имитационной деятельности. Таким образом, попытки внедрения новых идей могли иметь место только при условии наличия внешнего примера, которому, в силу закономерностей социальной психологии, пытались наследовать. Результаты имитационной деятельности могут быть полностью адекватными только при условии непосредственного наблюдения

и подражания. В ином случае («подражание на расстоянии») результат будет не столь успешен. Таким образом, условием адекватного заимствования новых технологических и типологических идей являются продолжительные

непосредственные контакты. Наличие переходных индустрий, на наш взгляд, свидетельствует в пользу таких контактов по крайней мере между частью местного и пришлого населения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Переходные индустрии от среднего к позднему палеолиту Восточной Европы представляют материалы, которые могут быть поняты как результат взаимодействия неандертальских и кроманьонских обществ. Однако здесь также обнаружены комплексы, которые не могут быть рассмотрены с этой точки зрения. Общеизвестно, что текущие данные не позволяют полагать, что территория Восточной Европы входила в ареал формирования *Homo sapiens sapiens* как биологического вида. Отсутствуют и локальные свидетельства ранних этапов становления сопутствующей *Homo sapiens sapiens* материальной культуры. Напротив, имеющиеся данные указывают на очень длительное — до 30 тыс. лет назад и, не исключено, позднее — время бытования неандертальского населения (что прямо подтверждается отдельными антропологическими находками) и типично среднепалеолитических традиций в Крыму и, возможно, на Западной Украине и в Румынии. Характерно, что аналогичный возраст имеют ранние ориньякские и граветтские памятники этих территорий. Не менее показательным, что с близким по возрасту этапом ранней верхнепалеолитической городцовой культуры связаны остатки уже человека современного анатомического облика. Таким образом, имеющиеся факты свидетельствуют скорее в пользу предположения о том, что переход к верхнему палеолиту на территории Восточной Европы был инспирирован расселением здесь пришлых групп *Homo sapiens sapiens*, а разного рода переходные индустрии являются результатом не внутреннего *in situ* развития, а следствием различных по форме и интенсивности контактов между пришлым и местным неандертальским населением. Перечень и действие факторов, влияющих при этом на материальный облик переходных индустрий может быть очень разным, что и приводит к значительной их вариабельности и мозаичности.

В предложенной статье рассматриваются два варианта переходных индустрий на территории Восточной Европы. Соотношение сред-

непалеолитического и верхнепалеолитического компонентов в них различно. Так, в одном случае речь может идти лишь о среднепалеолитических (леваллуазских) реминисценциях в технологии, причем морфологический облик массовых продуктов расщепления и орудий — несомненно верхнепалеолитический. В другом случае среднепалеолитический компонент более существен и проявляется и в технологии и в типологии, а верхнепалеолитический — достаточно неразвит и неразвернут, хотя и очевиден. Важно, что и в том, и в другом случае верхнепалеолитический компонент характеризуется ориньякскими признаками. Можно полагать, что различный облик переходных индустрий Миры и Кульчивки имеют в первую очередь вследствие различия среднепалеолитического субстрата и разной степени влияния со стороны ориньякского населения. В случае Миры это пара-микокская традиция, в случае Кульчивки — леваллуа-мустьева. Не исключается, что дальнейшая эволюция индустрии типа Миры ведет в направлении стрелецкой и городцовой (последнее, исходя из наличных данных, более правдоподобно) культур. Не ясна судьба индустрии типа III слоя Кульчивки, возможно из-за отсутствия аргументированной интерпретации культурной последовательности этого памятника.

Становление раннего верхнего палеолита на территории Восточной Европы, таким образом, проходило двумя принципиально различными путями. Один из них, ориньякский, неразрывно связан с т.н. «вторым взрывом» анатомически современного человека (см.: Kozłowski 1990; Otte 1994; Straus 1996 и др.), расселением пришедшего извне населения, принесшего с собой новые технологии и материальную культуру, а также сложную символику. Второй путь, условно называемый «не-ориньякским», был пройден неандертальским (или, скорее всего, гибридизированным) населением, активно перенимавшим новые технические решения, которые, наслаиваясь на традиционно среднепалеолитические подходы, и привели к возникновению переходных индустрий.

ЛИТЕРАТУРА

- Аникович М. В. 1994. Основные принципы хронологии и периодизации верхнего палеолита Европы // Археологические вести 3: 144-157.
Аникович М.В. 1999. О миграциях в палеолите // *Stratum plus*. 1: 72-82.
Богущий А. Б., Савич В. П., Татаринев К. А. 1974.

- Природа и развитие первобытного общества на территории юго-западной Волыни // Первобытный человек и природная среда. Москва. Из-во Института Географии АН СССР: 7-28.
Веклич М. Ф. 1989 Комплексный палеогеографический метод и рекомендации по составлению ли-

- толого-фациальных и палеогеографических карт. Киев: Наукова думка.
- Данилова Е.И. 1983 Антропологическая характеристика останков неандертальских детей из мустьерской стоянки Заскальная (Крым) // Вопросы Антропологии. 71.
- Иванова И. К. (ред.). 1987. Многослойная палеолитическая стоянка Молодова V. Москва, «Наука». 180 с.
- Иванова И. К., Ренгартен Н. В. 1975. Материалы к геологии и палеогеографии палеолитической стоянки Куличивка // Бюллетень Комиссии по изучению Четвертичного Периода: 44: 52-68.
- Писларий И.А., Степанчук В.Н., Демартино А.В. 1999. Каневское местонахождение: новый памятник восточно-европейского микока на Среднем Днепре // Археологический Альманах. 8: 129-40.
- Праслов Н.Д., Рогачев А.Н. (ред.). 1982. Палеолит Костенковско-Борщевского района на Дону. Ленинград, «Наука».
- Пясецкий В.К. 1992. Мустьерский культурный слой палеолитического местонахождения Жорнов и некоторые вопросы стратиграфии палеолита // СА. 3: 113-26.
- Савич В.П. 1975. Пізньопалеолітичне поселення Південно-Західної Волині. Киев, «Наукова Думка». 160 с.
- Савич В.П. 1975(а). Позднепалеолитическое поселение на горе Куличивка в г. Кременец. // Бюллетень Комиссии по изучению Четвертичного Периода: 44: 41-51.
- Савич В. П. 1987. Поздний Палеолит Волини. // Черныш А. П. (ред.). Археология Прикарпатья, Волини и Закарпатья (Каменный век). Киев, «Наукова думка»: 43 — 58.
- Синицын А.А., Праслов Н.Д. (ред.). 1997. Радиоуглеродная хронология палеолита Восточной Европы и Северной Азии. СПб.
- Ситник О.С. 1996. Шлях розвитку левалуазських індустрій України // Археологический Альманах. 5: 75-84.
- Степанчук В. Н. 1996. Генеза та еволюція Кримського палеоліту. // Археология: 3: 20-29.
- Чабай В.П., Маркс Э.Э., Отт М. 1998. Вариабельность среднего и ранней поры позднего палеолита Крыма (предварительные итоги международного археологического проекта) // Археология. 4: 19-47.
- Черныш А. П. 1985. Поздний палеолит. Телегин Д. Я. (ред.) Археология Украинской ССР, т. 1: 53-81.
- Якимов В.П., Харитонов В.М. 1979. К проблеме крымских неандертальцев. // Ю.Г. Колосов (ред.) Исследование палеолита в Крыму. 1979. Киев, Наукова Думка: 56-66.
- Allsworth-Jones Ph. 1990. The Szeletian and the stratigraphic succession in the Central Europe and Adjacent Area: Main trends, recent results and problems for resolution // Mellars P. (Ed.). The Emergence of Modern Humans. An Archaeological Perspective. Ithica, New York, «Cornell University Press»: 160 — 242.
- Allsworth-Jones Ph. 1990a. Les industries a pointes foliacées D'Europe Centrale. Questions de définitions et relations avec les autres techno-complexes // C. Farizy (Ed.). Paléolithique Moyen Récent et Paléolithique Supérieur Ancien en Europe. Mémoires du Musée de Préhistoire d'Ile de France n. 3: 79 — 95.
- Anikovitch M. 1992. Early Upper Paleolithic Industries of Eastern Europe. // Journal of World Prehistory: 6/2: 205-245.
- Bar-Yosef O. 1996. Modern Humans, Neanderthals and the Middle/Upper Paleolithic transition in Western Asia. Southern Africa in the debate on the origins of modern people // XIII UISPP Congress, The Lower and Middle Paleolithic, ABACO: 175 — 190.
- Bar-Yosef O. 1996. The Middle/Upper Paleolithic transition: a view from the Eastern Mediterranean // Carbonell E., Vaquero M. (Eds.). The Last Neanderthals, The First Anatomically Modern Humans. University Rovila et Virgini: 79-94.
- Bar-Yosef O., Dibble H. 1995. The Definition and interpretation of Levallois technology (Preface) // Bar-Yosef O., Dibble H. (eds.). The Definition and Interpretation of Levallois Technology Madison: Prehistory Press: ix-xiii.
- Bar-Yosef O., Belfer-Cohen A. 1996. Another look at the Levantine Aurignacian. // U.I.S.P.P. XIII Congress, section 6. The Upper Paleolithic, Forli, A.B.A.C.O.: 139-152.
- Chabai V.P. 1998 The Middle Paleolithic to Aurignacian transition in the Crimea in Otte M. (dir.) // Préhistoire d'Anatolie. Genèse des deux mondes. Liège. ERAUL 85: 339-352.
- Clark Howell F. A 1994. Chronostratigraphic and Taxonomic Framework of the Origins of Modern Humans // Nitecki M.H., Nitecki D. (Eds). Origins of Anatomically Modern Humans. New-York, London: Plenum press: 253-319.
- Cohen V. 1996 The Upper Palaeolithic of the Crimea: Some new data applications. // Anthropologie et Préhistoire 107: 93-108.
- Cohen V., Stepanchuk V. (2000.) Late Middle Paleolithic and Early Upper Paleolithic evidence from the East European Plain and Caucasus: a new look at variability, interactions, and transitions // Journal of World Prehistory.
- Demidenko Ju., Usik V. 1993. On the Levallois technique in the Upper Palaeolithic // Actes du XIle Congres International des Sciences Préhistoriques et Protohistoriques. Bratislava: 239-242.
- Deacon H.J. 1996. Southern Africa in the debate on the origins of modern people // XIII UISPP Congress, The Lower and Middle Paleolithic, ABACO: 167 — 172.
- Hedges R.E.M., Housley R.A., Petite P.B., Bronk Ramsey C. and Van Klinken G.J. 1996. Radiocarbon dates from the Oxford AMS System: Archaeometry datelist 21 // Archaeometry 38: 181-207.
- Henry D.O. 1995. Prehistoric cultural ecology and evolution (Insights from Southern Jordan). Plenum Press. 466 p.
- Ginter B., Kozłowski J.K., Laville H., Sirakov N., Hedges R.E.M. 1996. Transition in the Balkans: news from the Temnata cave, Bulgaria. // Carbonell E., Vaquero M. (eds.). The Last Neanderthals, The First Anatomically Modern Humans. University Rovila et Virgini: 169-200.
- Kolosov Yu. & Stepanchuk V. 1997. New type of Middle Paleolithic Industry in Eastern Crimea. // Archeologicke Rozhledy. XLIX: 124-145.
- Kozłowski J. 1988. Problems of continuity and discontinuity between the Middle and Upper Paleolithic of Central Europe // Dibble H. L., Montet-White A. (eds.). Upper Pleistocene Prehistory of Western Eurasia. Philadelphia: University Museum, University of Pennsylvania: 349 — 360.
- Kozłowski J. K. 1990. A Multiaspectual approach to the Origins of the Upper Palaeolithic in Europe // Mellars P. (ed.). The Emergence of Modern Humans. An Archaeological Perspective. Ithica, New-York, Cornell

- University Press: 419-437.
- Kozłowski J. K. 1996. Cultural context of the last Neanderthals and early Modern Humans in Central-eastern Europe. Southern Africa in the debate on the origins of modern people // XIII UISPP Congress, The Lower and Middle Paleolithic, ABACO: 205-218.
- Marks A. E. 1993. The Early Upper Paleolithic: the view from the Levant // H. Knecht, A. Pike-Tay, R. White (Eds). Before Lascaux. The Complex record of the Early Upper Paleolithic. CRC Press: 5-21.
- Marks A.E. 1998. A new Middle to Upper paleolithic «Transitional» assemblage from Buran-Kaya III, level C: A preliminary report // Otte M. (dir.) Préhistoire d'Anatolie. Genèse des deux mondes. Liège. ERAUL 85: 353-363.
- Marks A.E., Monigal K. 1995. Modeling the production of elongated blanks from the Early Levantine Mousterian at Rosh Ein Mor // Dibble H.L., Bar-Yosef O. (eds.). The Definition and Interpretation of Levallois Technology. Madison: Prehistory Press: 267 — 277.
- Marks A.E., Chabai V.P. (eds.). 1998. The Middle Paleolithic of Western Crimea, Vol. 1. ERAUL, 84., Liège.
- Meignen L. 1995. Levallois lithic production systems in the Middle Paleolithic of the Near East: the case of the Unidirectional Method // Dibble H.L., Bar-Yosef O. (eds.). The Definition and Interpretation of Levallois Technology. Madison: Prehistory Press: 361 — 379.
- Meignen L. 1996. Les premières du Paléolithique Supérieure au Proche-Orient // Carbonell E., Vaquero M. (eds.). The Last Neanderthals, The First Anatomically Modern Humans. University Rovila et Virgini: 107-127.
- Mellars P. 1989. Major Issues in the Emergence of Modern Humans. // Current Anthropology. 30/3: 349-385.
- Oliva M. 1984. Le Bohunicien, un nouveau groupe culturel en Moravie. Quelques aspects psycho-technologiques du développement des industries Paléolithiques. // L'Anthropologie. 88/2: 209-220.
- Oliva M. 1993. The Aurignacian in Moravia // Knecht H., Pike-Tay A., White R. (eds). Before Lascaux. The Complex record of the Early Upper Paleolithic. CRC Press: 37-55.
- Otte M. 1994. Origin de l'homme modern: approche comportementale // C.R. Acad. Sc. Paris, t. 318, série II: 267-273.
- Otte M., Noiret P., Chirica V., Borziak J. 1996. Rythme évolutif du Gravettien Orientale // Colloque XII. FORLY XIII Congrès UISPP, ABACO 1996: 213 — 226.
- Otte M., Noiret P., Tatartsev S., Lopez-Bayón I. 1996(a). L'Aurignacien de Siuren I (Crimée, Ukraine). // L'Anthropologie et Préhistoire. 107: 81-92.
- Otte M., Tatartsev S., Lopez Bayón I. 1996(b). L'Aurignacien de Siuren I (Crimée): fouilles 1994 et 1995 // Montet-White A., Palma di Chesnola A., Valoch K. (eds) The Upper Palaeolithic, Forli # 6.
- Ohnuma K., Bergman C.A. 1990. A Technological analysis of the Upper Palaeolithic Levels (XXV-VI) of Ksar Akil, Lebanon. // Mellars P. (Ed.). The Emergence of Modern Humans. An Archaeological Perspective. Ithaca, New-York, Cornell University Press: 91-138.
- Revillon S., Tuffreau A. (eds.). 1994. Les industries laminaires au Paléolithique moyen. CNRS Edition, 193 p.
- Sinitsyn A.A. 1996. Kostenki 14 (Markina Gora): Data, problems, and perspectives. // Préhistoire European. 9: 273-313.
- Sirakov N. 1983. Reconstruction of the Middle Paleolithic Flint assemblages from the cave Samuilitsa II (Northern Bulgaria), and their taxonomical position seen against the Paleolithic of South-Eastern Europe. // Folia Quaternaria. 55.
- Sirakova S. 1990. The Leafpoints of Muselievo // J. Kozłowski (ed.). Feuilles de Pierre. Les industries a pointes foliacées du Paléolithique supérieure Européen. ERAUL 42: 63-78.
- Soffer O. 1989. The Middle to Upper Palaeolithic Transition on the Russian Plain // Mellars P. and Stringer Ch. (eds). The Human Revolution. Behavioral and Biological Perspectives on the Origins of Modern Humans. Edinburgh University Press: 714-742.
- Soffer O. 1994. Ancestral Lifeways in Eurasia — The Middle and Upper Paleolithic Records // Nitecki M.H., Nitecki D. (eds). Origins of Anatomically Modern Humans. New York, London: Plenum Press: 101-119.
- Stepanchuk V. N. 1996. Le Moustérien Charentais, une pièce foliacée de GABO, Sud-Ouest de la Crimée, Ukraine // PALEO. 8 : 225-241.
- Stepanchuk V. 1998. The Crimean Palaeolithic: Genesis and Evolution between 140-30 Kyr BP // Otte M. (dir.) Préhistoire d'Anatolie. Genèse des deux mondes. Liège. ERAUL 85: 261-300.
- Stepanchuk V. N., Cohen V. Yu., Pisarev I. B. 1998. Mira, a new Late Pleistocene site in the Middle Dnieper, Ukraine (preliminary report) // Pyrenae 29: 195-204.
- Straus L. G. 1996. Continuity or rupture; convergence or invasion; adaptation or catastrophe; mosaic or monolith: views on the Middle to Upper Paleolithic transition in Iberia // Carbonell E., Vaquero M. (eds.). The Last Neanderthals, The First Anatomically Modern Humans. University Rovila et Virgini, 1996: 203-218.
- Svoboda J. 1990. The Bohunician // Kozłowski J. (ed.). Feuilles de pierre. Les industries a pointes foliacées du Paléolithique supérieure européen. ERAUL 42: 199- 211.
- Svoboda J. 1987. Stranska Skala. Bohunický typ v brnske kotline. Praha.
- Svoboda J. 1993. The Complex origin of the Upper Paleolithic in the Czech and Slovak Republics // Knecht H., Pike-Tay A., White R. (eds). Before Lascaux. The Complex record of the Early Upper Paleolithic. CRC Press: 23 — 36.
- Svoboda J., Lozek V., Vlcek E. 1996. Hunters between East and West (The Paleolithic of Moravia). Plenum Press, 307 p.
- Svoboda J., Skřida P. 1995. The Bohunician technology // Dibble H. L., Bar-Yosef O. (eds.) The Definition and Interpretation of Levallois Technology. Madison: Prehistory Press: 429 — 438.
- Valoch K. 1990. La Moravie il y a 40 000 ans // C. Farizy (Ed.). Paléolithique Moyen Récent et Paléolithique Supérieur Ancien en Europe. Mémoires du Musée de Préhistoire d'Île de France: 3: 115-124.
- Yamada, M. 1996. Étude préliminaire sur l'industrie lithique de la dernière phase du Paléolithique moyen dans le site de Buran-Kaya III en Crimée orientale (Ukraine) // Préhistoire Européenne. 9 : 11-30.
- Yanevich A., Stepanchuk V., and Cohen V. 1996. Buran-Kaya III and Skalistiy rockshelter: two new dated Late Pleistocene sites in the Crimea. // Préhistoire European. 9: 315-324.